

КАМЕРА ХРАНЕНИЯ

**ЧЕТЫРЕ
КНИГИ
СТИХОВ**

MCMLXXXIX

КАМЕРА ХРАНЕНИЯ

ОЛЕГ ЮРЬЕВ

СТИХИ О НЕБЕСНОМ НАБОРЕ

ОЛЬГА МАРТЫНОВА

ПОСТУПЬ ЯНВАРСКИХ САДОВ

ДМИТРИЙ ЗАКС

ПРЕКРАСНЫХ ДЕРЕВЬЕВ СОЮЗ

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ

БАЛТИЙСКИЙ СОН

Издательство «Прометей»

МГПИ им. В. И. Ленина

1989

ББК 84Р7—5
К60

Издание осуществлено за счет средств
ленинградского театра-студии «ДАНЕТ»

Коллектив авторов. **Камера хранения** (Четыре книги стихов):
М., Прометей, 1989, 208 стр.

4702010202—162
К _____ без объявл.
183(2)—89

© Олег Александрович Юрьев,
Ольга Борисовна Мартынова,
Дмитрий Михайлович Закс,
Валерий Игоревич Шубинский, 1989

Олег Юрьев

**СТИХИ
О
НЕБЕСНОМ
НАБОРЕ**

СТИХИ О НОЧИ

СТАНСЫ

Дай ноги, Бог, на голос коль был щедр.
Тот голос гонит — позвоночник вод
Под ластой прогибается и вот —
Безмолвие пустых и мыльных недр;
И, рыбой каучуковой полна,
Скользит по дну громоздкая волна.

Был голос дан. Под кровлею крыла
Страна моя так искренне мала,
Прилизана на неродной манер;
И воздух ватен, и на всякий взмах
Перемещение тает как впотьмах;—
Как ни маши, ты небу не в обмер.

Мне голос дан был. Ввинчиваясь в плоть
Сырых переминающихся почв,
Прав я едва ль, протискивая ночь в
Ядро земли; не лучше ли, Господь,
Дать ноги мне, чтоб в тяготном пути
Доплыть, и долететь, и доползти?

1981

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Малый, спи — над светом тьма,
Лишь в окне клокочет,
Да луна нож свой косою
Об облако точит.

Поспешает пешеход
В плащичке, что птица;
К однобоку-фонарю
Тень его катится,

А под домом ходит мышь,
А над домом — воздух;
Рыбы жесткие в пруду
Спят безмолвно в гнездах;

Мама спит, и папа спит,
Обнявшись в постели;—
Сердце их стучмя-стучит —
Стук повсюду слышен.

1981

* * *

В окне огонь стоял. О стены
Косые бились паруса;
Из форточки, из блёсткой тени
Ужасный голубь поднялся.

А мы, обнявшиеся, спали
В соленой раковинке тел...
Помилуй Бог, мы знать не знали,
Влетел он или пролетел.

1981

ДВА СТАНСА

А ну отсюда — дом плохой,—
Тут мыший проговор глухой,—
Малютки гладкие в буфете
Сквозятся в скользкие сыры
И жестким усом из дыры
Качают домочадцы эти.

А ну отсюда — в январе
Тут женщина еще в ребре,
А к февралю уже по саду
Качает кичкою тугой,
И пота капля над губой
Бесцветней яду.

1981

* * *

Дождь по липе многоствольной
Сон нейдет, а мир обмок;—
Жёстки крылья, свет окольный
Заперт на замок;

В мире тихо, тихо, тише
Тишины в виске;—
Водяные мыши
Шепчутся в песке;

В мире тихо. Пали крошки
С Божьего стола;—
Смотрят водяные кошки
Из угла.

1981

* * *

Всё остается,
Хоть даже бы всё потерял.
Октябрь бьется
В дешевый свой матерьял,
Наш конь стеклянный
Безглазый стоит в пруду,
И ветер странный
Бу-бу, говорит, ду-ду...

Я выйду поздно
Сквозь море красное в сад.—
Легко и грозно
Колеса его колятся;
Следы глотая,
В шаре сомкнется клеть;—
Всё остается; не облетая,
Не облететь.

1981

* * *

Голые трубы деревьев
Сверху поют.
Дело-то скользкое... Верь я в
Холода край,
Негрские проклял бы ногти —
Неголос вьют
Там, где всё падает окрик,
Всё поднимается грай.

Купы блистают,— и пробы
Не во что вбить.
Черное виделось чтобы,
Надобно, слышь,
Голоса вздутые щеки
Низко любить.
Что ж в холод не веришь этот,
Пальцы сплетаешь лишь?

1981

РОМАНС О. М.

В тот долгий час, когда, над садом лежа,
 Распахнут, недвижим,
Кольчужен филин; и седая кожа
 Его невидима чужим;

В тот долгий час, когда прогнут водою
 Наш плоский пруд;
И долго петь, и тяжко козодою
 У острых козьих груд;

В тот долгий час, когда в печах блистают
 Слоистые тела,
Два темных перышка в окошко залетают
 И застывают у стола —

Вы слышите?— пытается скоститься
 Вся гиблая вина
Лишь в этот час, когда седая птица —
 Бесшумно падает у вашего окна.

1981

НА СМЕРТЬ Б. В.

Нитей желтых разжать и сжать
Продолжает под садом игру;
Собирает просторное платье
Человек, возвращаясь к ядру.

Все стоят небосводы цепные,
Все селенья во вдохе, во сне,
А в саду бессловесны портные,
Лишь дрожат их пустые пенсне.

1981

MECHANICA AETHERIS NOVA

Земля есть диск меж полусфер дневных,
Что превращаются в ночные крылья,
Столь быстрые, что я не вижу их.—
Всё темный блеск, всё кажимость бессилья.

Земля есть птица ночи. Днем она
Покойно спит, себя обняв крылами,
А ночью движется,— и не отклонена
В движении своем соседними телами.

И более того — когда слабеет мах,
В часы рассветные, в мельканий замедленье,
Смотри: спутники — все по прямой, впотьмах,
Всё с той же скоростью, всё в том же направлены.

1982

ДВА СТАНСА

Из тьмы близлежащего сада
Во тьму черно-плотных небес —
От слуха таясь, и от взгляда:
Обратный поход листопада,
Сквожение вышних завес.

Лишь черви, те чувствуют в норах
Клеёной своей головой
Сквожение в вышних зазорах —
Весь этот невидимый шорох
И этот неслышимый строй.

1982

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

К тебе, о господин потомок достоумный,
Со дна сумрачных дней глас подтянувши шумный,
Я обращаюсь со дна сумрачных дней,
Что мглы частичками, чем дуростью скудней.

Конечно ж, неумно в иное поколенье
Применным временам хулу иль похваленье
Окольно потащить, чтоб кто-то там, взыграв,
В большом учебнике подправил параграф,
И, в школьника вперив мизинец волосатый,
Все новости сии — фамилии да даты —
Долбил несчастному, не чая от юнца
Ни слуха в пол-уха, ни веры до конца;—

К тебе я не затем.— Опасные забавы
Мешаться в суд богов, хоть даже и неправый...—
Аз признан подлецом, а Я святым... Стиха
Не дам к свидетельству, что это — чепуха,
Что оба — Аз и Я — столь вне существованья,
Что встанут в ложны им все истинны прозванья.

Замечу все ж таки: меня уж не найдешь
Меж полагающих, что оком обоймешь
Тем более, чем далее отыдешь...—
Всё, может так это... но сам, любезный, видишь:
Все эти мудрости — не к нашей широте:
Во мгле предутренной чуть что-то видят те,
Что в сад спускаются...: деревьяев уплотненье,
И матовой луны тяжелое роенье,

И что-нибудь еще... С крыльца же своего
Во мгле предутренной — не видно ничего.

На дне сумрачного, предутренного сада
Есть мреющий огонь, — огонь полураспада, —
И мне достаточно, и боле, чем хочу,
Я замечаю черт. — Однако же молчу!
И не единственно из недоверья к зрению
/Грача и соловья я различу по пенью! / —
Но образ времени есть заговор грачей!

Декабрь сейчас... Коль голос, так ничей,
Ни даже ни грача, а так... оттаяв в льдине,
Без уха и без рта звучит в александрине.

Но я, я не могу и слышать о комплоте
Отродья хамского, по собственной охоте
Вертящего рули у памяти людской.
Мне — голосу во тьме — нет нужды никакой
Ни в важном улю-ли подземного писачки;
Ни в говоре вола, с казенной сыта жвачки;
Мне гадостны равно «на-пра...» или «на-ле...» —
Десницу и шуйцу как различишь во мгле?

Послушай-ка, о сын веков достолюбезных,
К тебе я не вознес ни пеней бесполезных,
Ни робости больной, ни гордости больной!
Вот и декабрь... И ветер, как шальной,
В тумане рыская, на миг его прорезал,
И странствующий глас, плодоносящий жез'л —

Единственный побег сумрачных дней моих
Возник перед тебя. И всё, и ветер стих,
И в хмаром облаке опять мой сад сокрылся,—
Я бился, ты ж — вникал, но смыслу не добился...
И снова проглотил двойной горящий мрак
Мой не звучащий звук, твой не смотрящий зрак.

Примечание: Автор смиренно признается в присутствии двух десятисложных строк в своем сочинении.

Могу еще добавить, что знак апострофа в слове «жез'л» вместе со звуком, который мы произносим, но не пишем, обозначает возможность точности в данном случае конечного согласования.

1982

* * *

Всех... всех первенцев от наших очагов,
Всех... всех пасынков богоугодных пазух,
Не сделавших еще своих шагов
Из наших рук в верблюжью супесь азбук;

Всех... всех кáтящих в взволнованной земле
Всех... всех на свете тыльных плоскогорий,
Чьи волны, остановлены в золе,
Молчат среди пылающих уголий;

Всех... всех кáтящих бездонную ладью —
Всей... всей тьмою на невероятных веслах;
И бронзовые горны улю-лю
Кричат из облаков молниеносных.

1983

СТАНСЫ

В пугающем звучаньи совершенном
Мне жить и жить... И что же из того,
Что тычется камышинка коленом
В лежащеея звука существо.

Пускай ее... Морская черепица,
Теснясь и падая, и вот!— стой,
Накрыть мой дом недвижимым махом тщится,
И защитить от мшистого копья.

Я ль не летал в соленой колыбельке
От бережка до бережка земли,
А голос, расширяющийся в Бельте,
Звукоубивство чествовал вдали.

И вот я здесь. Камышевые дула
И мышцы волн воюют, и в бою
Нет звука всё.— Одно зиянье гула
Пустой волной качает жизнь мою.

1983

* * *

Середь этой зимы понял я, как я к жизни прикован,
Как не нужно от ней ничего, кроме дней и ночей...
Даже вниз уходя осовевшим лицом пустяковым,
Оглянусь изо всёх сил: Божий свет, весь в снегу, весь
в снегу до плечей.

1983

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

В русском небе — ни солнца, ни звезд,
Только сосны светили сквозь дюны;
Было видно, как пламенник ест
Осовевшее сердце лагуны.

На чернеющем снизу холму,
С полукругом земным за спиною
Я взглянул через смутную тьму —
Встало русское море стеною.

Ничего нету здесь моего.
Даже воздуха — гаснущей тверди.
Ни воды, ни земли — ничего
Моего.— Кроме Бога и смерти.

2

Закат сошел.
Шумя меж сосн, съезжали дюны с локтя.
Отделавшиеся от ясных шор,
Вздыхали звезды в вогнутые стекла.

Из всех разов, как я на свете жил
Во тьме отсветных волн, что я видел,—
Одной лишь этою я жизнью дорожил,
Одну лишь эту жизнь не предвидел.

1983

* * *

Луны кусок в ее пятне
Стоит над чащей неосиянной,
И верхний ветер в стороне
Навис звучащий, но безуханный.

Где был дворец, я вижу холм.
Где хладен герб — живую птицу.
И статуй облачных в глухом
Лесу — я вижу вереницу.

Весь нижний город, и небеса
Стоят, беззвучны; висят, не рады;—
Сады исчезли и леса
Забилась в желтые ограды.

1983

* * *

Младенец, изменщика-века птенец, в минуту я (что ж? не святую?) схватился за ржавого лавра венец и грязную чашу златую!

И в царствованье рабов без господ господствовать взялся над словом, над бабочкой-словом, чей сыпкий испод царит в полночь лиловом!

Хорошенький ж вышел я вам господин, о тьмы слюдяные извивы, без них, что ушли, унеслись, как один...— Ушедшие, что унесли вы?

И как же — один — я сдержу этот груз предсердно прогнувшейся стали?..

Прозрачные крылышки с умерших муз, как легкие линзы слетали...

1983

* * *

Я — ворон, вернувшийся к Ною,
Раззявши пластмассовый рот...
Зато за мою спиною
Кишеньке — волна за волною
Воздушных и водных темнот.

И скользко же, Господи-Боже,
В темнице десницы Твоей
Луны вороненое ложе
За узкую тенью моей.

Лишь шопот валов равномерный...
1983

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

В сердце крошечном и низшем
Сердце отчее живет,
Песнь поет, по мягким нишам
Среди голоса снует,

Из атласа перекрестков,
Из кроваво-нежных сот
Под жемчужницы подмостков
Лето ветхое несет.

Свет вонзился. Тьма упала.
Черствой тополи каркас
Принял звездные лекала
От отвергнувшихся глаз.

Я не вечен и не ранен,
И не чувствовать могу
Сна огня, стеченья пламен
В недоношенном снегу.

Я жемчужно-ветхим утром
Выхожу на Божий свет...
Здравствуй, жизнь в солнце углом,
Здравствуй, солнце черных лет.

Ты пахнешь снегом и вином,
Осенним листеньем кольчужным,
Огнем на дне, что в слюдяном
Горит поджаберье жемчужном.

Ты пахнешь сном в моей крови,
Огнем в червонных переходах,
Где голос стонет: не зови —
Безмолвью, скованному в водах.

Во льду огни, на дне огни,
В крови огни нерасторопной...—
Несутся смоляные дни
Жемчужной поступью двустопной.

Когда я жил на дне, в огне,
В реке, что шепчет и рокочет,
Я знал о том, кто в льдистом льне
Лицом запутавшись, хохочет.

И видел я его глаза,
И слушал топота стяженья...
Куда ж ты ломишься, лоза?
Куда поете, сновиденья?..

1983

* * *

Э. Л. Линецкой

Эти конные ветки — не снятся,
Цокот замшевый их — наяву,
И готов я с прелестною жизнью обняться,
Хоть и чуждым, и лишним слыву.

Хоть не входит сюда на рассвете
Ни волны полувзмах, ни огня...
Лишь деревья — сквозь вод и огней переплетье —
Дышат ясную тьму на меня.

Жизнь вошла. И иною не выйдет.
И иной я уже не смогу...
Лишь деревья сквозь очи кровавые видят
Непокорного их неслугу.

1983

* * *

Жизни я не знаю, знаешь...

Страшно, знаешь, мне ее...—
В капле каждой раздвижная ж
Сердцевина у нее,—
Где прорезан иль просверлен
Алчно тянувший извне
Рот — всеяденьем осквернен,
С красной трапезой на дне.

Жизнь — вечногорящий камень,
А сгорающее — ложь...;
Камень плавится, и пламень,
Взрезан, рушится на нож;
Льются люди, каплют вещи,
Блázнящиеся в огне...

Все ж таинственней и резче
Лезвье музыки во мне.

1984

МИХАЙЛОВСКИЙ САД

Отставшие в рассеявшихся тѣнях,
Не менее деревья не видны...—
Как плакальщицы, сели на ступенях,
Роняют слезы в черные волнЫ.

Немного ж высветил в ноябрьском саде,—
Что в вогнутом стекле — холодный луч,
И старших птиц, стоящих на параде,
Уже не расшевелишь, как ни мучь.

Без дна — ни дня. Скользят (и не очнутся...)
Мимо кружных граненых колоннад.
Их небеса цепные не коснутся,
Коленцы каменные их не стеснят.

Как лóдь с ледяным и узким днищем,
Несется в норду узкий городок,
Неся — несомый — к вышним пепелищам —
Откуда? — чей? — не знаю...— узкий вздох.

Зимы?!.. Видать наскучило в земле ей
Приглядываться в дырочки травы...

И время мертвое приречную аллеей
Идет, не поднимая головы.

1984

* * *

О. М-ой.

Ну а я — каб я жил под венец, под завязку,
Под качение сердца вовне,
Невесомой бы ночью на русскую Пасху
Я бы в море ушел на челне.

И жестяный стесненный язык колоколен
Провожал бы скольжение мое;
От свободы сердечной я б сделался болен,
Как и всякий, настигший ее.

От кого и к кому я не знаю дорога
В тишине, вышине, глубине...;
Лишь негромкое пение русского бога,
Отдаляясь, сопутствует мне.

1984

* * *

Луче ж бы потяту быти,
неже полонену быти...

А в косых и высоких, сплошных небесах ни движенья,
Лишь круженье зимы, лишь зиянье и жженье зимы...
Как же так же прожить эту вечную ночь униженья,
Как прожили ее, как прожили ее наши мертвые —
мы?

Измождаясь лицом и разношенным телом грузнея,
На нечетких очах чуть уменьшенный мир пронося,
Как же так же прожить, ничего ни о чем не жалея,
Ничего не прося, ничего-ничего не прося, не прося?

И ветшанья извечные вести, и чья-то свеча над
могилой,
И безжалостный голос, зовущий, сгущенно звеня,
Всё измышлено вчуже постылою тьмой полукрылой,
Чтоб величье из ямы извлечь под ножи ледяного огня.

О косая высокая тень!— но и песни завесь не
успеть ей,
Как ворчанье начнется, гуденье, жужжанье внизу...
Вся Россия сойдись — лишь коснуться надгробья
посметь ей,
Как навеки застыть с ледяною рукой навесу.

Но умершие выдут, смеясь, и взлетят меж морозных
строений,
Где по низу зима продолжает до выскреста мечь,
И умершие скажут: напрасны и слава, и гений.—
Только память и честь,— это все, что пока еще есть.

И умершие скажут: в косых и высоких, высоких
могилах
Мы лежим до скончания, не помня высоких имен,
И качаются звезды в бесчисленных славах и силах
Над великою ночью несчастных, несчастных времен.

1984

ВАРИАЦИЯ

Эх, и вжался ж заржавленный якорь —
Не проглянешь сквозь вязкую муть...
...И взошли камнесечец и пахарь
На лодейную зыбкую грудь.

Передрогнул корабль и замер,
Переставились жерлы вовне,
Место намертво кормчее занял
Человек на двухногом коне.

И глазницами, полными глума,
Он за солнцем следит стороной,
Слыша никнувший шепот из трюма,
Слыша медленный скрёжет цепной.

Крикнет птица: «Уходим, уходим...»
Ветер мачтой чуть скрипнет златой...
...Что ж искорчился кормчий Господен
Под раздвоенной мертвой пятой?

1984

ВАРИАЦИЯ ВТОРАЯ

А город на кораблях стоит,
В мачтовых рощах ветер сопит,
Цепи напряжены, но уж прости,—
Нам никак не уйти.

Здесь стал каждый корабль один,
Сбоку притиснутый льдиней льдин,
Всё шевелящейся, и ёго шевеля...—
Но со второго боку — земля.

Господи! Если б знали все вь́,
Как сильно держит десница Невы,
Как машина где-то внизу дребезжит,
Как почва быстро дрожит,

Как Васильевский и Петербургский в дыму,
А Елагин — вздул парусами тьму...
...Третий век прощаются под картавый свисток
Северо-запад и Юго-восток.

Ну так и знайте ж: давным-давно,
Смели б если,— ушли мы, но
Стоят мертвецы под днищем, на дне,
И — их не бросить мне.

* * *

Оборочусь я чуть — и тьмы неравномерной
Разверзнется передо мной шатер.—
Вовнутрь я вшагну, и тихий ответ серный
Всех звездных волн да туч совется в луч неверный,
Тот черноту пронзит — столь черен и остер!
Столь полны черноты полуночны запасы,
Столь далеко у изошренья мол блеснул,—
На реберках песка, на полосах террасы,
На волнах лезвийных свою я тень спугнул.
И сверху тени камыша расшевелились,
Чернее всех чернот на несколько долей,
Огни какие-то, снижаясь, раздвоились
И канули в закраину морей.
И море лезвием кружным кроило воздух
Под ящерками звезд, юлящими слегка,
И рыбы, встав на хвост, в полужемчужных гроздах
Стеснились глядеть на грозды-облака,
Которые вверху, как мышцы коченели.
И комната земли без-окон-без дверей
Съезжала, чуть шумя, с растерзанной постели
К звезде закраинной — всей тяжестью своей.

...Ха! Память не нужна! Что проку от былого
(Как ни юродствуй, на воду ни дуй) —

Зудить-вызуживать...— оно не даст ни слова...—
Какие-то шаги... случайных черт полова...
И в звуке костяном безлицый поцелуй...—
Всё, что умеет знать оно.

1984

* * *

Небосклон полуночи — в облачных изъянах,
В треугольничках речных ржавеет вода,
Птицы спят в своих корзинах, в черных, в деревянных
И во сне клокочут, шепчут — тише, господа.

Нет, ни звука не раздастся на ночной ограде,
Шпиц нечищенный, косой брезжит в небеса...
Нет, но что же это там, в проволочном саде,
Боже, кто идет сюда? тише — голоса.

1984

ЛИСТ

В мыльном солнечном луче
Лист — изнанкой волосатый —
Сух и бледен на плече
У прогалины рогатой.

Жилы хрупкие черны,
Блеск течет темно-зеленый
С оборотной стороны —
Плотной, влажной, раздвоенной...

Лист... по бедности его
Две есть изнанки у него,
А другого ничего,
НИ-ЧЕГО.

1984

* * *

Полночи час взойдет и ниспадет.
Съезжавшее из синих звезд созвездье,
Доставши дно земли, меня лишь здесь найдет,
Как смертное отставшее известье.

Здесь — ничего. Здесь наг земной предел.
Один здесь я — невидимый — остался,
Как свет ночной, что в горницу влетел
И в зеркальцах безлицых затерялся.

Морская толщъ восстала в страшный рост,
И полон воздух серными тенями
Сгоревших птиц. И месяц узкокоост,
Как виноградина — в ответной яме.

Жалел я ночь. Присевшие сады
Так страшно говорили над дорогой,
И яблоки из замши и слюды
Над яблоней сверкали круторогой.

И не было огней над полустертой мглой,
Сбредлись когда созвездья и соцветья;
И птицей серою кружился голос мой!
Я говорю: кружился бы, ответь я!

1984

* * *

Исхожу я из старого страшного дня,
Как исходят огни из граненого дна —
Шевелясь,— расходясь да сближаясь,
Над изрезанным небом снижаясь.

Мякнут тени. Иначе сказать — день ушел.
Небо — неравномерно сияющий шелк —
Там зеркальная редкая сетка.

Отчего бы реке не пролиться крошась,
Отчего бы стиху и не жить, не страшась,—
Не всегда... хоть когда-нибудь... редко...

1984

ДЕТСКИЕ СТИХИ

День стоит каменоломней,
Дождик в странной едет мгле,
Всё огромней, да огромней
Солнце мыльное в стекле.

Дождик ветхий, расщеплённый,
Как невидимый, шуршит...
А во всех его зеленых
Хрупких горлах искривлённых —
Горячо... легко... першит...

1984

МОЛИТВА О МИРЕ

Ох, эта капельница тьмы!..
Провисшая, висит Селена,
Воздушные встают холмы
На полукруглые колена.
В амфитеатре дерева,
Расположенны перед морем,
Вздыхают, слышные едва,
Под ветром горьким, но не горем;
Здесь мир, рассеченный судьбой,
Становится сейчас собой.

Блескуч в волнах и светел воздух,
А в облаках вода черна;
На крыльях черных, кривокостных
Нырять птица допьяна;
От низа вверх, от верха к низу,
Неслышима и невидна;
Деревьев слитная стена
Глядит в исчёрканную линзу,
Глядит, волнуясь непреклонно,
Но всё еще соединенно.

Я человек... Я вижу мир,
(Там птица ходит неустанно)
Из спутанных мохнатых лир,
Стоящих с краю Океана;
Я — человек. Я — с краю ночи,
И руки смутные короче,
Чем мир, хоть он и невелик;
Я — блик, — скользнув по небосводу,

Сам засветив себе природу.—
Я слезкой лег на материк.

Одна лишь ночь, орех бесценный,
Зелено-черный и сырой,
На звездной ветви чернопенной .
Сияет мягкой кожурой;
Но съедет день, и — старый, светлый,
Сухой... но так же смертный, смертный
Мир в деревянном кожухе,
Что изнутри весь размалеван,
Охрян, голуб, залакирован;
Снаружи — щит, как на жуке,—

Вот вам. Был дух морской и влажный,
Стал мозг раздвоенный и страшный,
И это все ж таки одно;
И стало поле зренья полем
Войны дурацкой, и доволен
Огонь, взбегающий в окно;
Ушли в присутствие деревья,
Ниспала птица на волну...
О Боже мой, Тебе не верь я...—
Куда ж я сердце поверну?

1984

УЛИТКА НА ЛЬДУ

* * *

Улиткой на зелёном льду
(Но блещущей, точно валторна!..)
В кромешном живу я саду
Упорно, упорно...

И мир, виноградный листок,
Наклонно дрожит, измерзая...
И сладко смотреть на восток,
С потресканной кромки сползая.

1984

* * *

У них — Рождество, у нас — ничего,
Мы просто у печки заснули;
А ели в окне, что стоят без всего,
Тяжелую тень шелохнули.

И встать тяжело, и спать тяжело,
И пламя кишит за заслонкой,
И зданья стальные стоят нежило,
Одетые проледью тонкой.

У мира я крестную знаю беду —
И в сердце своем, и снаружи
Все вещи земные в мерцающем льду
Стоят средь сверкающей стужи.

У них — Рождество, а у нас — ничего,
Такая усталость плохая...
Да... ели в окне стоят без всего,
Вощеною тенью вздыхая.

1984

FIVE CRAZY SONGS

1. A CRAZY SONG

Не светитесь, моря морщины;
Не катитесь, света шары;
И прекрасного снега пружины,
Не стучитесь в эти дворы.

Этот мир, эта черная льдина
Пусть хоть вся оторвется, черт с ней —
И ко сретенью их господина
Пусть несет нас течение дней.

2. СОН

Сердце стратилось, ночь умерла,
Раскорчеваны корни огней...
Но не столько уж жизнь тяжела,
Сколько тяжести смертной на ней.—

То есть: сердце, скатясь тяжело
За обрушивающейся тьмой,
Ровно старая роза, взошло
В невесомости клетки грудной,—

Где огни перестали взрастать,
От соитья рождаясь, как мы,
И, как мы, стали тихо листать
Эту кипу осмысленной тьмы;—

Истончились в тени огни.
Те, рассеявшись, сделали ночь,
Ту, что в сердце жила искони,
И опять воротиться не прочь... — — — —

... — — — — А сейчас я очнулся в слезах.
Снова ночь, снова в сердце цвела...
Что ж, не столько уж жизнь немила,
Сколько милости смертной в глазах.

3. РАЗНОГЛАЗЫЙ ВЕЧЕР

В. Шубинскому

Слизистой поверхностью закатной,
Клетчатой, расшаркавшейся листвою,
Морем, треугольным безвозвратно,—
Твердь воздушная полна волной попятной
Так, что уж и не кажется живой.

А-а... а слева (значит, Солнце справа) —
Есть веко паутинное Луны,
А под ним — полунеба держава,
И осколки скиптра сверкают ржаво
В щёрбинах и трещинах волны.

Вот лицо природы двуобразной:
С кровью — мертвой, но с некровью — живой,
С трупной жизнью, светлой и заразной,
С яркой смертью, радостной и красной,—
Над земною твердью дрожжевой.

4.

О, где отставшее отстало?
И как ушедшее ушло?
Как столько стало жизни мало —
Уж и не слово, но число.

Мир студеный за спиной
Из недопахтанных морей.
А впредь — огонь. Огонь стеною.
Стеной без окон и дверей.

5. НОЩЬ-КОЛОДНИЦА

Только в мире и есть...

А. Фет

Ночь-колодница, дрязглая, пьяная,
Отжимает дерюжки свои...
А над пламенем — слякоть стеклянная
И теней золоченых слои.

Ах, куда же застрельнуться, броситься?..
Раствориться, разъяться, сойти?..
Что ж так крошится, кружится, просится —
В пересыльного сердца горсти?

Значит знал я — прижиться не сможется.
В мире есть только этот огонь,
Где она — вся кривится, кукожится,
Обтирает об титьки ладонь.

То есть,— всякая тень, перед веткою
Прокативши сквозь темь да туман,
Надавившись на веко монеткою,—
Проканает во вшивый карман.

И еще — не успею проститься я,
И простить не успеют меня,—
Как уже впереди — криволицая,
Веселó кандальцами звеня.

Мир окрест бесконечною клеткою,
И дымится на потолке...
Я пришит обручальной браслеткою
К этой смрадной, любимой руке.

1985

ВЕЧЕР И НОЧЬ

У неба — еврейские вены.
У моря — цыганские серьги.
А русские круглые стены
Вселенной — почти уже смеркли.—

У неба — цыганские блески.
У моря — еврейские шапки.
Но русские круглые стены
Скользнули в крайные шахты,

Где каждый изогнутый лепест —
В безвидном своем коридоре.

Остались лишь небо и море —
Их гул, их звон, их треск, их лепет...

1985

* * *

Б. Ю. Позизовскому

...черно-морской, горько-уханный,
А не сладимый тлен земной,
Влек трехударный шум слиянный
Из моря в шерстке искряной.

Свод неба был — слеза и рана,
А люди в низкой темноте
Тащили, выпятив, катрана
С турецким ртом на животе.

Сколько же памяти бессвязной
В соединеньи дыма тьмы
С звездой в костре, сырой и грязной,
Которую не видим мы!

И столь же праха неслиянно
По выцветшей кружит черте
У неба, вьющегося рьяно
В турецкий рот на животе.

1985

Катран — вид черноморской акулки

ВОТ СВЕТА КОЛКИЕ ЗАТЫЛКИ

Вот света колкие затылки
Скакнули накось от луны,
Вот стали снежные бутылки
С деревьями — освещены;
Вот выснеженная аллея,
Что, смутно-глубоко белея,
Во сне тяжелом замерла. — — —
Вдохнула, руку отвела...

И свет, сходящий с лестниц черных
В объятий этих сонных неть,
Три клиновидных, золоченых,
Три силуэта смог иметь;
И три искрящихся каркаса
Златое пенистое мясо —
Как самородное стекло —
В мгновенье ока облекло.

И с выгнувшегося полукруга
Незамерзающих небес
Сквозь три напряженные лука
Прорвался выстрел — и исчез.

1985

* * *

с т р о ф а

Раз зима — разнимаются все
Древовидные очи творенья,—
То в крылатом ее колесе
Миг вниманья, судьбы и прозренья;
И лишь ель — не глядящий на нас,
Окруженный висячими льдами
Всеоглядно ступенчатый глаз —
За ресниц неподвижных рядами.

а н т и с т р о ф а

Ни души на жерну площаді,
Но скрещенье конических тѣней,
Но лишь лопасти сна позади
Чуть светящихся их средостений.
Ни души... Души мѣрзкие страх
Не хотят созерцаться в растеньях,
А в зеленых и черных церквах —
Как кузнечики — спят на коленях.

1985

* * *

Всходит дым, точно остров стеклянный,
В полупризрачных ветках звеня;
И скользит еле слышный и пряный,
И томительный запах огня.

Я, как тьму полукрытую — слово!—
Полюбил эту вещную мглу,
Где отрывисто... криво... лилово...
Смотрят звезды под рощи полу.

(Полуплотные нити свеченья
По стеклистым волокнам текли;
И по тайным лекалам теченья
Огибали их лип корабли)

Вот как: жизнь?.. Ты напиток любовный?..
(Для себя тебя кто ж уберег?)
Свет скольльзящий? и огонь двукровный?
И золы краснорукой зверек?

1986

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Человек — это колодезный
ворот, накручивающий на
себя свою цепь.

Уж такая хорошая мне далась душа,
Чтоб сквозь щелочки говорить со светом
И, разъеденным воздухом чуть дыша,
Глухо вздрагивать панцирьком нагретым.

Но, Господи, в этот светлый час
Раскрывающихся полночных створок
Стала Тьма Твоя как стеклянный газ,
Как стоящий снег, как парящий порох.

Я сердечный мускул Твоей ночи.
Мне не выпутаться из кровеносной сети,
Потому что я не был нигде на свете,
Кроме тьмы и вздыхающей в ней свечи.

Ведь такая душа только там сильна —
В этом свернутом, влажном, слепом, соленом,
Потому что выковырянная, она —
Как простой слизняк на ноже каленом.

То, что знаю, — пора уж! — и ты узнай:
Я боюсь оказаться в уже дребезжащем варе...
Вот, другую — прошу я — стеклянную душу дай,
Рассыпающуюся при ударе...

1986

В САДАХ ТОЛЬКО НАШИХ В АПРЕЛЕ

В садах только наших в апреле
Деревья растут из зеркал.—
То, видимо, тайные щели
Господь в этом мире сыскал;
И так еще, видимо, можно,
На облачных лестницах петь,
Невидимо так, осторожно
Пернатой ступенью скрипеть.

И трещинами в амальгаме
Расходятся корни дерёв,
И воздух большими шагами
Спускается в ров,
И пышные пенные брызги
Опутывают сады,
И тянутся, тёплы и склизки,
По-русски, еврейски, балтийски,
Сдвоенные руки звезды.

1986

ВТОРОЕ ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Огонь иссекнется в тротуар,
И сердце, съеденное гарью,
Через парных созвездий взвар
Пойдет обратно к Государю.
Его безногие стрижи
Несут (летят — не шелохнутся) —
...Старайся, кровное, дрожи...—
Дай Бог еще тебе вернуться...

1986

* * *

Прощайся, не всё уже снится,
Но можешь еще поспеть...—
Стоящая на небе птица
Стоит, позабывшая петь;

И ветви в последнем исподнем,
Наброшенном кое-как,
Несутся за ветром Господним
И голос несут на руках.

А стоит ли всё усилия,
Когда так немного до тьмы,
И каменных бабочек крылья
Скрежещут по стеклам, как мы?..

1986

ВОСПОМИНАНИЕ О ЮГЕ I

Как ртуть, как шёлк, как щекот, как
Раскосая луна морская,
В ногах, и в пахе, и в руках —
Везде во мне есть кровь людская:
Как луч, съезжающий в реку,
Как месяц, таемый туманом,
Как занавесь по сквозняку
И как рука над женским станом —
Чуть-чуть прогнувшись, она
Стоит-скользит, натянена.

(Когда же в каменной тени
Круглоступенных гор у моря
Я вспомнить смог другие дни
И вздрогнул от стыда и горя,
Вся кровь — от кроны до корней!—
Заскрежетала и запела;
Хоть воли не было у ней,
Но вдруг она, прорвавши тело,
Вся — вверх, во все ее крыла...

...И Божья кровь ко мне вошла...).

1986

В ЭТОЙ КОМНАТЕ

В этой комнате стопки теней
Разложились, кренясь, по углам,
И зернистого мрака туннель
Разрезает ее пополам,
И печально сужается щель
Меж рассеянным светом стекла
И отсветами сильных вещей,
Раскаленных внутри до-бела.

А сейчас ты глядишь за окно,
Где крупницы деревьев — парят,
Где в распоротых тучах — темно,
И воскресшие звезды не в ряд
Волей Божьей расставлены там,
Чтоб ты смог еще что-нибудь смочь,
Чтоб прихлынула к праздным устам
Та небесная родина — ночь.

1986

МЛАДЕНЕЦ

Осыпается мгла с небес
На поставивший мрежи лес,
И глазницы иссякших звезд
Стали пенно-зыбки.

А младенец, плывя вверх,
Сеет светлой рукой труху
Из жемчужной зыбки.

Видно, свод полунощный — ветх.
Иссякает и мякнет верх —
Так воздушный редет мост
Над всходящим низом.
Видно: вышелушилась тьма,
В зернах — свет, и дрожит тесьма,
Куда он нанизан.

А младенец плывет вверх,
Сея светлой рукой труху,
Осыпающуюся на лес,
Что сетцы раскинул.
Иссыхает небесный Нил;
Кто бы люльку остановил
И младенца вынул?

Ведь и есть-то лишь лес один,
Где спасется наш господин,—
Его ищут и там, и здесь,
Во граде, по полю...
Все оцеплены берега,
И на всех площадях врага
Есть, где встать глаголю

1986

ПЛАВАНЬЯ

**/7 стихотворений,
в том числе 3 подразумеваемых/**

*Елене Андреевне Шварц
с любовью и восхищением*

2. ПЛАВАНЬЕ

Я не знаю, как жил, и писал, и расчел
Неразменный запас на вьюки и меха;
И под облачным парусом облачный челн
Облака проскользнул по лучу маяка.

Беспрозванной земли я отсунул засов,
Ибо выпил я сердцем прекрасную тень
И не слышу названой земли голосов,
Что уходят стволом в кровеносную сень.

Барабан провернулся и шелка ушла.
Не видать позади и внизу ничего.
Этот город исчез, и легло в зеркала
Несветящимся облаком сердце его.

Я узнал: ничего не обещано мне.
Я оставил незваной земли голоса.
Мой корабль по лучу, исчезая, скользит.
Ухмыляются рыбы небес.

3.

Всё кишит в полночной яме
Свет — идущим вверх дождем.
И горящими струями
Черный воздух обведен.

Выйти за границу ночи
Я хотел и не хотел.
Звездной корочки короче
Вздых моих горючих тел.

С якоря сошла дорога,
Обвивающая тьму.
Небо — узко и немного,
И ступенечки в дыму.

Отчего уходит небо,
Рассеивая пенный след,
Угол тающий и недо-
Возвратившийся отсвет?

Как здесь выйти за границу,
Ускользящую прочь?..
Тел бренчащую седмицу
Разгонять уже невмочь...

5.

Я кровью говорил: уйди...
Но тишина не уходила.
Рябился месяц впереди,
Река удушливо кадила.

Какая маленькая тишь
Лучом — прищелкнув! — шевельнула!
Раздвинул рёберки камыш,
И лодка угол разогнула.
Куда я плыл? Куда ж мне плыть...
В ночи исчезнул провожатый...

Не всю ли жизнь вот так пылить
На жесткой влаге волосатой?..

6.

В чужом окне стоит звезда,
Как рыба за стеклом зернистым.
О, кто ж ее загнал сюда?
Чья ж эта черная уда?
Кто тяжкой тенью с краю льда
Навис — набычен и расхристан?

А лёска гладкая бежит
По маленьким волнам слоеным;
Катушка холодно жужжит,
Крючок, надкушенный, дрожит,
И рыба на весу лежит. —

Когда же вытащат ее нам?

1986

О МРАЧНАЯ ЗВЕЗДА РАЗДЕВШИХСЯ МОРЕЙ

О мрачная звезда раздевшихся морей,
Недвижно стонущих на наклоненных ложах.
О мрак, раскатанный над спальнею моею,
Катящейся за небоскат на обжиг.
О том, как спать один, забыл я. Сколько дней
В пустой постели с кроткими морями...
Когда нисходит ночь, становится ясней
Блестяще-ржавый меч, лежащий между нами.
Как знать, какой еще разыщется разврат
В сей жизни, будущей? в той, бодрствуя, сущей?..
Пока ж мне хорошо. Я сплю. Я жив. Я рад
Глухой звезде, над ложем тьму кующей.

1987

СТИХИ О НЕБЕСНОМ НАБОРЕ

НЕ ПРЕВРАТИТЬ ЗЕМЛИ В ОТСЕК

Не превратить Земли в отсек
Печальной сволочи земной.
Хочу я слышать голос всех,
Кто надо мной и подо мной.

И раз уж мы легли на дно,
Хочу глядеть я в полый луч
За Авраамово руно
Туч.

...Когда поднебной лодки нос
Взойдет, как золотоголов,
Тогда по краю мира нож
Прокатит кремнем без углов;

И бабочкою вспорхнет плоть,
За новым краем закружив.—
Тогда скажу я: жив Господь,
Завет наш — жив.

...И в крошечном своем окне
Увидишь вздыбившийся хвост
Живой ладьи — в живом огне
Звезд.

1987

ODE ON THE UNSTRUCTURED WORLD

Есть часы в ходе нашей зимы,
Растянувшей мелованный полог,
Когда тени исходят из тьмы;
Когда жизни из ветхих иголок
К перетолку о темных вещах
Вылетают — за промельком промельк;
И дымы совершают свой шаг
С треуголок чернеющих кровель,
Чтоб сплестись, созмечься, белы,
В непромерную дымную розу;
И цепочкой сугробов волны
Поднимаются к лунному рогу.

То не просто такие часы,
Когда в шаре полнощного цирка
Под свеченьем небес полосы,
Над ковром из лоскутного цинка
Пляшет, каменным смехом сквозя,
Земнородная жить или нежить,
Чтоб смежённые неба глаза
Полоумной игрой проманежить;
То не пьяные духи вещей
И не драные тени растений,
Не томящийся призрак ничей
И не запах солёный сожжений,—
Здесь другое: здесь враз из всего
Истекают основы и сути;—
На такие часы вещество
Только видимость, лужица мути;

Человек — только кожи клубок;
Только снег оседающий — древо;
Только плашка без дырки — замок;
Львиный рык — только зеркальце зева;

И выходят на небо из труб
Костяки меловых мыловарен.
И теперь этот мир — только труп,
На мгновенье предъявленный тварям.

1987

ЭЛЕГИЯ С ЭПИГРАФОМ

От вас я не хочу прощений и проклятий.
«Всего страшней»,— (сошедший с рубежа,
Скажу я к ужасу своих смиренных братьий)—
«Что воздух чуж, а не земля чужа!»

Когда вернулся я с предутренней прогулки,
Уж разобрали ночь рабочие небес:
Сияли вытертые выемки и втулки,
И были стены тьмы запрятаны за лес.

Что здесь, в сусветице?— Ни вещного, ни тэней...
А кто ж за стеклышком, задымленный, возник?
О, лишь трубчатый бог разымчивых сиреней
В пушистых колпачках персидских, разрезных!

А кто ж ко мне в окно, приплюснувшись, глядится
Блестящей тысячью своих губатых глаз?
Чьи эти кожаные сморщенные лица
В летательных шарах, мерцающих, как газ?
Я не желаю знать.

Раз нанялся — к работе.
Названий и расценок ведать не хочу.
Когда настанет срок — мы вспомним о расчете,—
Тогда и я — что должен — получу.

1987

ВИСОЧНЫЕ ЧАСЫ

... лежал один, как выдрал из виска
Височные часы; и задохнулся;
И слова, словно страшного соска —
Внезапного из твердой крови столбика —
Ожесточенным языком коснулся;
И плоть была поката и близка.

Окно — изнанка зрения — сияло,
Не пропуская полосы дождя;
Закуклилось пространства одеяло;
И время из рассеянного облака
Вкруг головы растерянно стояло,
Привычного гнезда не находя.

Ужасные я разомкнул тиски;
Из цепи временной я чудом вышел
И свил пространства рваные куски;
Хоть миг, но жил близ истинного облика
Единственного слова. Хоть и слышал,
Что где-то возле тикают виски.

1987

СКЕЛЕТ СВЕТАЩИЙСЯ АДМИРАЛТЕЙСТВА

Уже я шел /из яблочка земли
Вывинчиваясь гусеничкой нежной/—
Был волглый воздух в бархатной пыли.
И — с яблочком зрачка посередине —
Такие же, как я, змеенья шли
Навстречу мне, кривясь во мгле кромешной.
...Но что-то безъобъемное вдали
В сияющей стояло паутине.

Земля кругла лишь только от вращения,
Но — ледяной куб, чуть стоит ей застыть.
Спасительная сила отвращения
Ее толкает. И одни глаза,
Для позднего возженные прощенья,
Пощадным жаром осушают стыд.
...Но там, в конце ночного посещения,—
Как в облаке застывшая гроза!

А вывинтивши тело целиком,
По скользкой покачусь коже я
Не гусеницей — свертком и мотком,
Как юноши из нашего семейства
Всегда хранятся в возрасте таком
(Крупницы крыл под панцирем имея,
Туда катясь, где — изнутри знаком!—
Скелет светящийся Адмиралтейства!)

1987

НЕВСКАЯ БАЛЛАДКА

Небо — в ваточных квадратах.
Купы куп — в дымах кудлатых.
Луч, в луну уперший хобот,—
Начинается нигде.
И слепым русалкам невимским
Извиваться в пляске не с кем,
Разгоняя пяткой копоть
По пупырчатой воде.

Вышел я из дому — поздно.
Зданья все стояли — розно,
Каждое — кипя и тлея
В черно-розовой тени.
Облаком многоочитым
Каждый шаг был мой сосчитан,
И, крутясь на нитках клея,
Вслед за мной ползли огни.

По реке же, царских кротче,
Вслед за мной катились очи,
И — беззвучны! — шелестели
Зазывные голоса.
Что ж, когда-нибудь мы спляшем,
Что ж, когда-нибудь мы ляжем
Там, на каменной постели,
Вздывив к небу волоса.

1987

ОСЕНЬ В МОСКВЕ

О сколько здесь делается трухи
Из треска короткой волны волос,
Из костно-холодного глянца щек
И из страшного перламутра рта.

Когда б я не чел за собой грехи,
Как осени, мне б разносить пришлось
Весь этот испытанный кровью шелк,
Но судьба уж, как я смотрю, не та.

Как всё превращается в гниль и смердь!
Треугольный траурный ноготок
Обникшего клена — трухляв и жухл,
И раскрошена дорогая ткань,—

Когда б я снова посмел бы сметь,
Когда б в волосах зазмеился ток
И в сердце задвигал усами жук,
Щекоча изнутри гортань,

Тогда б я выжил в чужом краю,
Где женских деревьев крепка броня,
Скрежещущая при передерге ключиц
И при крохотном повороте рук,

Тогда б я вспомнил судьбу свою;
И ветер, тяжелые листья гоня,
Стал снова медлителен, наг и чист;
И сомкнулся бы ветхий круг.

1987

СТИХИ К УХОДЯЩЕМУ ЗРЕНИЮ

Мир скуднее и скуднее,
Всё невзрачнее с лица,
Но во всех вещах яснее
Звезды сизые — сердца.

Там, в аорте, в рудной пене,
Розою расцвел зрачок...
Ты уходишь в сердце, зреньё?
Но оставь хоть чуть, клочок...

Пусть хотя нетвердый очерк —
Моря сверток, неба лук;
Пусть хоть отсвет в плитах отчих
На восток бегущих букв;

Эту вязнущую морось
В невской стреляной волне;
Эту мертвенную поросль
Молний в выпукшем окне;

Эти в зеркалах раскосых
Оскудевшие черты;
Этот гаснущий набросок
Тьму цедащей наготы...

1987

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

(стихи на сообщение о предполагаемом сносе его)

Из всей земли могу назвать своим
Квадратный метр в искривленной ограде,
Где нищий камень слякотью гноим
И смертный сон прерывист, смерти ради;

Где отлетают и душа и страх
И в черных разделяются вершинах,
Где снова праху возвращают прах
В проклятых глазурованных кувшинах;—

Здесь, только здесь, где русской нет земли,
Где только прах под непокрытой клеткой,
Где нашей плотью сосны возросли,
Где воздух бьется нашей кровью редкой,

Я чувствую ту лучевую нить,
Которая — хоть чуть — меня и нудит
Связующую точку охранить.
Но знаю я, что и ее не будет.

Но знаю я, что и сюда придут —
Свернут ограды и надгробья сроят
И, исполняя обыденный труд,
Могилы под квартирки перестроят.

1987

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ПЕСНЯ

Узелков мне не надо скользких,
Чтоб казаться себе счастливей,
И — в какую иглу ни вденьте —
Уже не извиться кротко.—

От семи пирамид московских
По реке перегнивших жнивий
К каменеющей в небе Дельте
Опять привезла меня лодка.

Весь осел опустелый город,
Пересеянный пылью плоской.
Шелковинке не спрыгнуть с ветра!—
Что чернеется — Форт ли, Фарос?..

И, ко рту притянувши ворот,
Я свечу себе папироской
В море, где ни конца, ни верха...
Господи, хоть бы парус!..

Хорошо ли я жил, нетвердый,
Но не винный в грехе Филона —
Я лишь жил и ниточкой вечной
Скоротленный строчил папирус...?

Хорошо. Я еще не мертвый.
Так еще я смотрю влюбленно
В этот каменный и калечный
Мир, где родился и вырос.

1987

СТИХИ О НЕБЕСНОМ НАБОРЕ

В сердце будет долго дергать холостой курок...—
В стёках меда невский деготь, мертвого снежка творог,
Расклиняющая площадь света полоса,
Норовящая уплощить впалый оттиск колеса.

Разве что-то еще значит и «сейчас», и «здесь»?
Всё кратчайшее оплатит оплывающая взвесь.
Твой хоть ход, да юзом, юзом... как сойти с аза,
Заслезить навстречу музам эти толстые глаза?

Думал, я всецело соткан Божьим пауком
С этим страшным и коротким, с этим русским языком —
Оказалось: только сверху паутинка, связь...
А внутри — проходят сверху оттиск-свет и оттиск-
грязь.

Не проденешь к сизым звездам мреющую нить,
Разворот навеки сверстан, ни строки не изменить.
Там, в обратных начертаньях, в паровом свинце
Всё. И лучше перестань их проверять — они в конце.

Ну а ты — листок всего лишь, пробная печать.
Что ж ты сам себя неволишь знак за знаком различать?
Что ж ты сам себя морочишь, корчишь немо рот?..
Ничего ты не рассрочишь, лишь испортишь разворот!

А когда настанут сроки падать небесам,
Не сойдутся эти строки: «что ты есть» и «что ты сам»,
И тогда в беззвездной хмари, тьме повременной,
Память об исчезшей твари, о невнятице земной,
О питье прогорклом невском, о златом столбе
Станет мучить... Только не с кем будет вспоминать
тебе.

1987

ВОСПОМИНАНИЕ О ЮГЕ II

Ты, предательская сладость
Мелкозерных десен белых...

Две волны, в разлете сладясь,
Двуударно бьются в берег.
Суша спит, раскинув ноги,
В женской ночи запустенья,
И, свои покинув норки,
Вышли на́ берег растенья —
Стрекоча листвою дрожащей,
Поглазеть, закинув лица,
Как под поднебесной чашей
Свет качающийся мглится.
Лестница грудей зеленых
Потускнела в лунном дыме;—
Бьется море в беглых лонах
Не смолвшее твердыни...

Нет зачатья и рожденья
В треске камешков подталых,
В женской ночи униженья,
Принятого как подарок...

1988

ЛУНА-ГОЛУБКА И ОБРАТНЫЙ АРАРАТ

Прыщавой зелени проказа площадная...
И сушь одревесневшей крови — сучья...
Луна-голубушка, воскрылие пятная,
Всё ищет Тартар-Арарат...— но суша, суша,
Переминающая волны скользких зданий
И пену глиняную листовенных отребий...

Уже не полюбить мне эту тьму гаданий,
Уже не целовать мне этот горький жребий...—
Земля, привставшая (вся в этих лунных пятнах)
На обмякающие цыпочки соцветий,
Вестей обратных ждет. Но нет вестей обратных
Ковчегу, пущенному посуху столетий.

1988

ЩЕЛЫКОВО. КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

/четыре стихотворения/

1. РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Русские звезды в дымной
Завесе до исподлобья
Оставляют без сердца,
Легкого сердца не злобя —
Легкое сердце в подвздошь
Едет на слабой резине:
Или сорвется напрочь,
Иль возвратится к разине,
Эдак неспешно дошелкнув
До зашумевшего горла,
Где тишина речная —
Сладостная — прогоркла...

Чьи же сухие слезы
(Зрачки равнодушно-востры)
Смотрят черно и мимо?..

— Ваши, русские звезды!

2. ВЕЧЕР

Я ищу уходящий свет
И незапный его оборот,

И раскалывающийся сверк
По-над лесом, раскрывшим рот.—
В черном озере встало дно,
Корнем каменным разветвясь,
Черным пламенем вея — но
Неминуема мрака вязь.

3. КАКИЕ ЗДЕСЬ ЖИВУТ ЗВЕРЬКИ

Какие здесь живут зверьки,
Свистя горошинками в горлах...

Глаза их востры и горьки,
И тлеет блеск в подглазьях голых,
И треугольничком зрачки.

Внизу бесстрастная возня:
Чужая жизнь, касанья, тени...

Кто ж молвит, волосы склоня
В двоякоплоские колени:
— С собой возьми, возьми меня...?

А наверху — под край небес,
Под облачный их обод ломкий,
Уставлен бездыханный лес
Своей железною бахромкой...

Никто не молвит.— Мир исчез.

4. НЕПОГОДА

Страшны у деревьев зеленые лица,
Когда каждый мускул на них шевелится

И шелест становится взрыдом —
...И, кажется, я себя выдам...
Раскрылась ветров разъяренная роза,
И воздуха заскрипела вискоза,
И светлые нити потускли,
И речка наморщилась в русле...

Замолкшие люди помятую кожу
Прижали засохшими складками к ложу,
Как будто их тяжкая сила
В природу ушла и застыла
В недвижимом движеньи шумящих растений,
В неслышном стяженьи тлеющих теней,
В почти человеческом хрипе —
В сосне, и в березе, и в липе...

Но если услышишь сквозь хрип непогоды
Какие-то странные, рваные всходы
Какого-то звука иного—
А может быть, даже и слова...—
И сердце рвануться захочет к родному,
Не радуйся.— Говорит по-иному
Иной, но не дружеский идол...

...И, кажется, я себя выдал.

1988

THE MESSENGER

Там чье же лицо чумное
Под кушами косм небесных?
Зачем в стеклющем гное
Заплылся несчастный бездух?
И чьи там губы над миром
Косятся с осклабом тайным
(Над этим дрожащим, сирым,
Чуть дышащим лепетаньем)?
Чья сверху сыплется перхоть
На край поднебесной чаши?
К чему мне, скажите, ехать
Сквозь желтый аквариум чаши?
И кем я, скажите, послан
С надеждой — той, безвозвратной —
По этим равнинам поздним,
По этой земле квадратной?

...И купы в протертой коже
Заглазной звякают медью...

И кто только вздумал, Боже,
Меня посылать за смертью?

1988

Д. Ю.

Я привел тебя в мир, побелевший от зла,
Где и сам я живу, как слепая пчела —
Поздней кровью продрогших растений.
В мой уступчивый танец ошибка вошла:
Не нужна никому золотая смола
Из ужухнувших средостений.

Глеет снег над заклееным смертью летком.
Всё какой-то уступчатый каменный ком
Облетаю в исплаканном сне я.
Он облит синеватым крупатым ледком,
Он сползает, медлительной мукой влеком,
Прямо в дымное череве змея.

Я привел тебя в мир, где и сам я не царь
(А бывшие цари позарылись в янтарь —
Впрок медовой смолы наносили),
Где чем меньший творец я, тем большая тварь
Где над садом сгущается снежная хмарь,
Но покуда (и если) я в силе,

Не отдам тебя вьюге — уж коли привел!
Ибо крови ты царской — от истинных пчел,
Не подвластных слажёному дыму.
Будем жить налету, огибая шеол.
Может, хватит нам кровного золота смол
Пережить эту вечную зиму.

1988

ОЖИДАНИЕ

Дождь — косою полосой нефтяною
Светлеет, безгласный, за скользкой стеною,
Воздух около зренья гася.

Что же... кажется, ночь уже вся.

Кажется вся уже пепельной, сыпкой,
Мутной — сравня с заочною рыбкой,
Всю ночь пронырявшей в верхней ночи.

Ну и приснула. Ну и молчи...

В городе тихо. В комнате тихо.
Рукою трехпалой, зыбкой от тика,
Время — сумрака шёрстку прядет.

Гостем незванным Бог не придет.

1988

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ ГОДА

Скоро ль закончится этот декабрь,
Этот бессердый год,
Кротко пляшущий danse macabre,
Кровью заливши рот.

На диске подпрыгивает игла,
Всё уменьшается круг —
Так сходит изморозь со стекла,
Так линии сходят с рук.

Так входит хлеб вовнутрь зерна,
Так входят в лампу лучи...
И не то что музыка — тишина
Уже не слышна в ночи.

1988

Ольга Мартынова

**ПОСТУПЬ
ЯНВАРСКИХ
САДОВ**

* * *

Бедный, прибранный дом, голубиная нежность двора
И как будто бы ветхих скамей многолетняя тишь:
Так привяжется к уху какой-то мотив — и бубнишь,
И бубнишь и поверишь (пока не соскочит с пера
Описание места пустынного, сирого дня
Колыханье пока не застынет в белёсый сироп),
Что какому-то саду любезна твоя болтовня,
И какому-то саду милы очертания троп,
По которым в полуденной еле заметной тени
Забубнишь, забредешь в очертания места пустынного,
Нет которого, не было даже в те давние дни,
Когда здесь проводила короткое лето Мартынова.

1982

* * *

Где не было ни деревень, ни городов —
То сосны берега, то бляеные коз —
Мир ветхий светел был, был весь — как голосок
Застуженный, и падал на песок
В гнездо бумажное замешкавшихся ос,
И полная волна катила вслед
Остуженной печали прошлых лет.

Не памятью, но в чем гнездится осень —
Природа не узнала диких сосен
За перекатами покатых валунов.
Она же — страшных, с инеем на спинах
Вытягивала на свои луга коров,
Где те светились жутче белым совиных.
И, золотистым воздухом отмечен,
Студеный мир был чуден, был беспечен.

Вполне прозрачным становился воздух,
Всё вымораживал, всё выбелял углы,
Гонимые на вынужденный отдых,
Брели к воде мычащие стволы.
А там, где перекачивание света
Сгущаясь, отклонялось тяжело
К тугому бубну нищенского лета —
Смыкалась там зеленая вода.

1982

ОСЕННИЕ СТИХИ

Сограждане! Наш драгоценный сад
По дюйму возвращается назад,
Сквозь вымытое ливнем решето,
Обратно, где белёдые корни
Стремятся вверх. Кругом прозрачно то
Чего еще вчера касалось зренье.

Что делать нам... Во гнутых зеркалах
Кругом жилья всё портики да арки,
На сумеречных наших островах
Всего-то радости-то, что сады да парки.
И (вот я уж и путаюсь в словах)
Нынь редок сколе дивный дар Петrarки.

В росе листвы кивает животом,
Вращенным в горло, бурая лягуха,
Зрочки оборотившая, где том-
на Лета перламутровая муха:
И ей всё пусто в воздухе пустом,
И нет у ней отверстия для слуха.

Сограждане, чья гордая звезда
Порожний ветер катит вдоль небосвода,
Что делать нам, что делать нам, когда
Любых свершений прожитого года
Нам ближе неутешная вода
И сада опустелая природа?

1982

* * *

Неслышно на поле легли
Блистающие покрывала
Ночных округлостей земли,
Углов, узлов ее, овала.

Большой и шумной головою
Покачивая на стебле:
«Скажи, кузнечик, нас здесь двое,
Что ты поешь своей земле?»

1982

* * *

Время катит мою колесницу.
Что ни воздух — всё воздух предместий
Я вдыхаю один за одним.
А когда, золотыми крылами томим,
Ангел огненный, жизни живущей прелестней,
Скажет мне у входа в столицу:
«Что ты сделала с даром своим?
Что ты нам принесла?» «О румяный,—
Я скажу,— О молодой, о живой,
Вон — небес полукруг оловянный,
Видишь? катится следом за мной,
И за ним целый мир неимянный —
Ни земной, ни небесный, ни мой.

Там играют какие-то звери
В омертвевшее сердце мое,
Там горящее сердце свирели
Выдувается на острие,
Там и ветер стенает сквозь двери,
Сожалея о сердце ее».

«О бездумное, нищее племя,—
Он сказал мне.— Какие дары
Обронили вы в прах бестолковый...
Сколько нищих. О сколько нищих...

1984

* * *

Вдыхая холод воздуха и света,
Я говорю: «Со мною друга нет»,
Так просто голос произносит это,
Как влажный воздух сглатывает след
От голоса, где бабочка — невидный
Ведет стежок полета своего.
Я говорю: «Мой жребий незавидный,
Но лучше я не знала ничего».

Червь голову продел до середины
Светлеющего яблока. Его
Лицо в соку, его собратьев спины
Качаются в соку кругом него.

Вон слиплися, приподняты, ладоши,
Он обернул бездумные зрачки
Поверх спины, в даль яблока. Вдоль кожи
Почти образовались позвонки...

Я говорю: «Со мною друг не рядом»:
Серебрян самолет и даль светла.
И воздух полон насекомым падом.
То не моя, быть может, жизнь была.

1984

СОН

Как бы виделся мне мой полуденный дом,
То ли отдых мерещился в звуке,
А такая мне память осталась о том
(Подо льдом же теперь моя речь, подо льдом)
Будто строили дом мои руки.

А еще как бы я по подолу зимы
Погналася за прошвой сюжета,
Кто-то мне хохотнул: «Бездорожья и тьмы
В полукруг она только одета»,
И стою я с горошиной смысла в руках,
И куда-то теряю ее впопыхах —
И не вижу ни мрака, ни света.

А потом как бы первым рассветным лучом
Был мой путь поглощен, свод небес позлащен,
Из земли дивный сад вырастает,—
И в саду этот дом, и к нему я с ключом
Подхожу, ну а ключ-то мой тает
И, теряя свой вид, обращается в ртуть,
В серебристую лужицу, в долгую муть,—
Отраженье на дно увлекает.

1984

* * *

О немота! О страшная подруга,
Ай-ай-ай, ай-ай-ай — говорю,
Говорю: отпусти;
И когда же мы так полюбили друг друга,
Что, заметив блеснувшее что-то в горсти
У тебя, говорю я: «какими дарами
Ты еще обделила меня, немота?
Для кого ты хранишь то кольцо с письменами,
С именами и речью? Ох, это не та —
Та ведь слева стоит, эта — изредка справа
Промаячит, такая в улыбке ее
Беззастенчивость есть, так она не лукава...
Всё отдам, глянуть лишь на колечко твое!
Левой ветер бесплодный расчесывал косы,
Правой — пахнувший медом и хлебом. Нигде
Никогда не сражаются пчелы и осы,
Лишь меня привлекают то эти, то те».

И пока я скандалю с одной за колечко,
Со второй — чтоб она отпустила меня,
В темноте, в тесноте горько плачет сердечко:
Не затянется ль в звездном снегу полынья?

1984

* * *

Пока еще держу в моих руках
Туманный шар, где видится столица
Моей души — в латунных зеркалах,
В которые она глядится,
Еще себя не узнавая,
Уже зардевшись и играя
Очами, полными огня,
И так похожа на меня.

Ночь вышивает черным по канве,
День вышивает белым по наитью;
В моем дворе далеко на траве
Горят дрова. И дым восходит, нитью
Теряясь в белокурых облаках.—
Узоры сонные на их щеках
Мне что-то всё напоминают,
Пока еще держу в моих руках
Зеркальный шар.
Но он всё тает.

1984

* * *

Я не умру, когда поднимет надо мною
Смерть сильною рукою свой нетленный стяг,
Я буду видеть клены, с тонкою, земною
Способностью благоухать в горстях...
Всяк в этот день с своей расставшийся душою,
Коснется облаков со мной в одном строю,
И мы покинем землю, войско небольшое,
Сражаться за кого-нибудь в неведомом краю.

Теперь все в доме спят. Сад черен. За рекою
В овраг с деревьев падает вода.
И северная ночь царит над головою.
И летние хоромы мы построили сюда.
Теперь в овраге плещется вода
Над паутиной, листьями, ежами,
А днем они глядят на нас всегда
Сухими и довольными глазами.

Кто дал им силы эту смерть скрывать?
Кто утром их разогревает кровь?
Когда я подошла к реке, чтобы узнать,
Мне ночь сказала: «Уходи: здесь смерть
и здесь любовь»

1984

НОЧЬ, ПОТОМ УТРО

Мир тих: его сады, привстав на корни,
Вдыхают свет, отвагу, холода;
Еще не разбрелись, но тем упорней
Расталкивает их черная вода.

Несомая тяжелыми ветвями,
Вторая бестелесная земля
Вот-вот скатится (ширится зиянье)
На ледяной осоки лезвия.

Ее сады рассыплются беззвучно.
А с первою что ж станется землей?—
— Иль протрубит над нею ангел тучный?
Иль только над моею головой?

1984

МОРОЗНАЯ ЗИМА

Где светлые растут леса,
Зиму осилив?
Где стаи птиц? их голоса
Меня спросили б:

Где Божья тварь? Где колыбель
Ей? Где могила?
Зиме злата, багряна прель
Ложе стелила...

Разобрана и невидна
Ветки качает
Слепая слабая волна —
Так ветер сучает.

Ни Божьей твари на снегу,
Как на небе — ни Божьей ночи...
Роскошный мир мой ни гу-гу,
Дыханье ветра всё короче.

1984

ОДА НА ПАДЕНИЕ АНГЛЕТЕРА

Раздроблен день. Но звон стеклянный
Внезапных мартовских лучей —
Веселый, детский, безымянный —
От этого еще звончей.

И вдоль цветных домов-шкатулок
Бежит короткий переулок
К широкой площади резной,
Где самозванная Европа
Себе из крема и сиропа
Скроила терем расписной!

В конце зимы, как солнце глянет,
Всё — черно-белая фольга,
Всё — блеск и тьма, всё — грязь и глянец,
Дома — белы, черны — снега.
А если где-то цвет ослушный
Проявится: волною душевной
Он роговицу глаза гнет.
То человек, то звук, то зданье
Цветной неповторимой гранью
Неосмотрительно мелькнет.

И переулок застывает
Как раз у дома, что своим
Румянцем площадь вызывает
В последний раз сразиться с ним.
Вот, руки тяжкие раскинув,
Дом держится еще, малинов,
Хотя его и пробил час,
Хотя ему придется туго,—

Стрела поверху златого лука
Неторопливо улеглась.

Уколото волшебной спицей,
Застыло время надо мной,
Оно намерено сразиться
с любовью горечью земной.
Но вот, из лука вылетая,
Проносится стрела золотая
Быть может в дюйме от меня.
Штурм начался — и дому скверно.
У ног германского модерна
Он — столб бенгальского огня.

Вот слева раздаётся ржанье,
А справа звон колоколов,
Вот жизни трепетной дрожанье
Рождает рой несвязных снов
И прекращается. И стены
Неспешным танцем светотени
Захвачены. Но всё быстрее
Мелькает черно-белый танец,
Он восстанавливает глянец
В зияньях окон и дверей

Пал Англетер. Теперь сияет,
Дымясь, бесцветная дыра.
А человек не понимает,
Что это не его игра.
Он наблюдал борьбу бисквита
С фольгой сецессии. Разбита
Колонна мармеладных плит.
А человек смущен и грозен.
В дыру он смотрит — грандиозен
В дыре Ширяевец висит!

...Вот время оживает гулко.
Всё грязно-желто и черно
Теперь во чреве переулка
И время здесь побеждено.
Но пыль рассеется, и скоро
Такой же дом взойдет из сора,
Как феникс встанет из руин.
Никто не вспомнит, что когда-то
Спускался он к пределам ада —
Бисквитно-финский исполин!

1987

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ПРО ЖИВОТНЫХ

1. ВОРОНА

Неделю целую ворона
Причесывала гнездо,
Да бросила... Легко и сонно
Она живет теперь. И то...

От беглой речи Цицерона
Рябит пейзаж в моем окне:
То в прутьях тополя ворона,
То Бальб на лысом скакуне,
То островерхие деревья
Пронзают воздух завитой —
То распушась, то индевея
За точной города чертой.

Еще весна в своем начале,
И млеют римские холмы
На солнцепеке — одичали
В чужой земле чужой зимы.
И голоса, чей смысл утрачен,
Теперь теряют даже звук,
И мускул жизни обозначен
В лучах сильнее, чем света дух.
И травы вырастут, качая
Тычинками своих цветков,

И зашумят, не замечая
Своих бессмертных двойников.

2. ЖУРАВЛЬ

1

Журавль рыдает, как Психея,
В невидном небе голубом,
Вытягиваясь и светлея
И, пропадая за углом
Невидимого поворота,
Летит на Северо-Восток...
Весны прозрачные тенета,
Заката огненный желток —
Увы! Ничто не предвещало
Черемух красные цветы,
Пружинило весны начало,
Как розовые бальзамины
(И только тощие коты
Наверх, на клены-исполины,
Взлетали и, как будто птицы,
На ветках умывали грудь,
Боясь взлететь или свалиться
В весны расплавленную ртуть) —
Но душ сиротская громада,
Мечтая форму обрести,
Соскакивает в кузни ада.

И мир дрожит в своей горсти.

II

Журавль рыдает, как Психея,
В невидной дали голубой,
Вытягиваясь и светлея
Анестезиновой иглой,
А занемевшие просторы
Следят восторженно за ней,
Ее невидные укоры
Вдруг стали видного видней.

И надо всем повисла кошка,
Вцепившись в дерева кору,
Его упругая макушка,
Как мачта, гнется на ветру.

Мир с высоты зеленой бездной
Открылся кошкиным очам.
И Ярославню прелестной
Она рыдала по ночам,

А по утрам в ее гортани
Переставал рождаться стон,
К игре зеленой светотени
Был взор кошачий устремлен,

Игра рождения и смерти
Ей виделась в лучах листвы —
«О сколько кошек есть на свете!
И будут все они мертвы.
О сколько кошек народится!
И все они переплелись», —
То мир в ее глаза глядится
И манит в бездну, в зелень, в высь.

3. ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ

И бабочки, что люди — смертны.
Я помню, бабочка одна,
Чьи крылья розовые меркли
На раме моего окна
(Так меркнет краткий луч заката
В продольном сумраке стекла),
В мой дом, незванная, вошла,
Как жизни первая утрата.
Сначала всё она сидела,
Не размыкая черных крыл,
Как будто спрятаться хотела
На выцветшей коре белил.
О как она была похожа
На лист, не сорванный ветрами,
Листок, чья сморщенная кожа
Одна белеет над снегами!
Но, чтя закон странноприимства,
Я диких принесла цветков,
Надеясь, что найдутся яства
Среди осенних лепестков.
И, с шумом развернувши крылья,
Она порхнула на цветок.
О этих крыльев изобилье,
На каждом — радужный зрачок!
Но с каждым утром угасала
Ее печальная краса,
И всё туманней жизнь мерцала
Через раскосые глаза...

1986

* * *

Вот синяя небес корзина,
Чьи прутья сплетены тесно́,
Как двуединая картина.—
В мое направлена окно
Неповторимым круглым днищем
(В себя вбирая заодно
Всё в мире праздничном и нищем,
Где всё прозрачно и черно).—
Вторым своим обратным днищем
Она туда обращена,
Откуда так же не видна
Земля, как нам небес изнанка,
Откуда всё же видят нас.
Когда ж корзинка, прохудясь,
Труху небесную роняет
(Ее сверкающая дранка
Еще в полете остывает),
Мы в это время — меж прорех,
Образовавшихся в корзине,
Вдруг различим умерших всех,
Но не увидим — что за ними.

1986

* * *

Катится колесо дождя.
Оно всё ближе, ближе... запах
Травы всё резче. В темных лапах
Блеснуло солнце, заходя.

И мутной пены полон сад
Над бальзамином и ромашками,
И капли глухо шелестят
Забытыми в беседке чашками.

Закат, пока не сгинул прочь,
Сочился сумерками чайными;
Упала на аллею ночь
С ее приметами случайными.

И ночь напрасна и смугла,
И ночь безвременьем окачена,
И неба влажная скула
Ночную судорогой охвачена.

И ветер глухо потрошит
Ночные небеса, и, сдавлена
Тьмой облаков, луна лежит,
Как воспаленная миндалина.

И жизнь, кроша мои сады,
Всё кажется ясней и кротче.
Но жизнь из этой черноты
Глядится проще и короче.

1985

* * *

Такая быстрая зима, как век снежинки;
Такое медленное, медленное лето.
Жизнь, как купальщица на фотоснимке —
Вполоборота и полуодета.
И ухмыляется беспечно, неизменно,
И капли моря ей легли на плечи,
В ней всё манит — и смуглые колена,
И кружева, и ясный взгляд овечий.

...А там зима, больная и глухая,
И злобная, и старая; и скоро
Ее пустое сердце, затихая,
Откатится и ляжет среди сора.
Как жаль ее! как долго станет лето,
Не шелохнувшись, красоваться где-то;
Как медленно купальщица уходит
И на песке не оставляет следа.

1985

* * *

Шампанским воздухом зима
Волнует ноздри... Легкокрылой,
Седой, мохнатую кобылой
Пейзаж заснеженный глядит...
И что полуночная тьма
Пред этой живописной силой,
Что сердце больно шевелит?

Зачем Творец вручил нам это
Многообразье бытия,
В котором может быть и я,
Как часть какого-то узора
Нерукотворного шитья,
Достойна горнего привета
Или внимательного взора?
1985

* * *

Слышу поступь январских садов,
И садов, истомленных жарю,
Их деревьев, чья крепкая кровь
Отстоялась за ветхой корою.

Легче ветра защитная ткань,
Шелестят за плечами котомки.
И для них тяжела эта грань,
И дрожат их зеленые кромки.

Мир нацелен на них. В стороне
Чуть отставшая плачет дриада.
«Где топор?»— говорит она мне.
«Ничего, ничего мне не надо!»

1987

ГАНТИАДИ

Кислый дух поселкового утра,
Виноградные листья в пыли,
Здесь живут неопратно, немудро,
Только море роскошно вдали,
Где всю ночь над волной завитой
Чуть колышется челн золотой.
Здесь ни праздника нету, ни горя,
И стеклянный растет виноград,
И с полвека поселок и море
Равнодушно друг в друга глядят.
И веками в волне завитой
Отражается зрак золотой.

1986

* * *

Как зимней полувзгляд звезды
В полночной ледящей чаше,
Как в темном воздухе тончайший,
Протяжный свист, как хрип урчащий
Деревьев на крещенской стуже,
Как бронхи времени /к тому же
Дыханье времени все уже/,
Как всё, что вечно угрожая
Само висит на волоске,

Так проступает жизнь чужая
На времени сыром песке.
Когда глядишь в ее невнятный,
В ее неповторимый лик,
То кажется — к своей обратной,
К своей невидной тьме приник,
Как будто зренья злое жало
Способно вечность прободить...
Вдохнешь — и с шумом набежала
Прибоя спутанная нить.

1987

* * *

Неродимая родня
Части мира друг для друга —
Клёкот, щебет, воркотня,
Комариная доука.
И, трещавшие когда-то,
Стали снова предо мной
Равномерные квадраты
Бурой засухи земной.

Будто ящерка мелькнуло
Время раннее мое,
Прошуршало, обмануло
И себя перечеркнуло —
Желтый хвостик — острие.
Кто в сухих камнях шуршит?
Под иглой чертополоха
Хвост оторванный дрожит,
Нету времени для вздоха,
Снова ящерка бежит,
Новый хвост из черноты
Вырастет. Но неужели
Ей еще не надоели
Эти новые хвосты —
Каждый намертво пришит?

1988

Дмитрий Закс

**ПРЕКРАСНЫХ
ДЕРЕВЬЕВ
СОЮЗ**

ДЕЛЬТА

Я родился в осенней дельте...
Там средь ночи вздувал подолы
Ветер — рощицам с островов,
Сонно трубы реки дудели,
И луна рассыпала златые доли
По воде из всех рукавов.

Дождь плескался в свинцовых ситах,
Летний воздух в сентябрьских сотах
Таял, легок, сладим...
Здесь — в песчаных часах залива
(Если смотришь на север — слева)
Каждый — год мой — всходил.

Всё дороже звучал, всё ближе,
Всё нещадней речное ложе
Этих дней выстилал песок,—
Все качался подводный клевер,
И сквозь дельту текла на север
Жизнь — в свой ясный исток...

Снова в сумрак полнощный, синий
Я гляжу из дельты осенней,
С ней ни смерти не разделив,—
В север времени, в светлый полюс,
Где (речной прорвавшие пояс)
Ждут — ушедшие сквозь залив...

Снова ветер сквозит в одежде
Сонных рощиц, и снова тот же
Отблеск северный над волной:
Вижу тени ушедших прежде
И другие — ушедшие позже,
Затворяющих тьму за мной.

1984

В СУМЕРКАХ

Мелкой стражей комариной
Воздух заперт до утра,
Наспех выпеченной глиной
Неба заткнута дыра.

Заперт мир, но обитаем,
Полон, в сумерки входя,
Плеском, звоном, лепетаньем
Граждан леса и дождя.

Шепчут, сбившись у ограды,
Руки выпростав из мглы,
Не кудрявые дриады —
Листья, желуди, стволы.

И нечаянным равенством
Ждать зари принуждена
В сонном рае деревенском
Не селена, а луна.

А за дверью, в тесном доме
Печка сумрак стережет,
Теней сизые ладони
Сдвинув в пляшущий кружок.

Внудь пламени в поленях
Неотрывно смотрит нудь...
А у печки на коленях,
Как несчастный, страшный пленник,
Человек, большой, как нудь.

1986

* * *

В древесине чешуйчатых сосен
Никакая душа не живет,
Но, мигая, смеется из сотен
Черно-желтых чешуек-тенет.

И у света в прозрачных облатках,
Облепивших пустое нутро,
Есть душа, чтобы в щелках и складках
Шелестеть и смеяться хитро.

Чтоб из этой прозрачной засады,
Из непрочных ее крепостей
Озирать невысокие грады,
И высоких и страшных людей.

Ну а люди, без царства и крова,
Сквозь рассеянный воздух сырой
Ощущают под слоем живого
Неизвестный, беспримесный слой —
Это мертвая жизни основа
С черно-желтою кровью-смолой.

1986

* * *

Воздух утренний ветшает,
Осень смотрит с поволокой,—
Что ж привыкнуть не мешает
К этой жизни невысокой?

Скушно катится к восходу
Дождь, вдоль облаков волнистых,
Недостроенную воду
Оставляя в мокрых листьях,

Скушно, сонная под утро,
Речка тянется сквозь арку...
Здесь, не шелохнув как будто
Жизни светлую изнанку,

Дни проходят — и не выше
Низких облачных запруд.
Что за странное затишье
В небе — время ль узнают?

1984

* * *

Вот он где, твой мир субботний.
Шелест в нем, в нем свет и холод.
Сверху, спереди, с исподней —
Охра, золото и кобальт.

Выкрашен и брошен в воздух.
Запросто, в конце недели,
Так, что в сумерках и звездах
Все скрепленья закрипели.

Вот он: нету ни изъяна.
Ладно скроен, щедро крашен,
Высвечен... и — без обмана —
Страшен?— спросишь... Точно, страшен.

1985

* * *

А сердце — праздничное слово,
С рожденья сказанное жизни,
Огромно, сумрачно, багрово,
(А звуки — сжатые пружины), —
Чернее плача, ярче смеха
Из воздуха — горючей смеси —
На языке творенья света
И сретенья зими и смерти,
Огнем без тьмы, цветком без стебля,
К грудным прижатое стропилам,
В расхлябанном ковчеге тела
Звучит — звучаньем нестерпимым.
И чем бы ни сказалась снова —
Хоть красным сном, хоть страшным пиром,
Вся жизнь — единственное слово
Из уст, обмолвившихся миром.

1986

* * *

Зима — это время коротких
Движений, желаний, вещей,
Деревьев в прозрачных коробках
Раскрытых воздушных печей.

Зима — это время; в котором,
Лишась привилегий и прав,
Душа привыкает к поборам,
К тому, как сияющий прах

Её разоряет владенья,
Как будто — прозрачный, густой —
Готовит к чужбине забвенья,
К изгнанию из тьмы обжитой.

Зима — это вспененным тестом
Сиянье на темном стекле,
Душа под домашним арестом
В своем золоченом тепле,

Как будто за этим сияньем
Природы — вздыхающей тьмы —
Попытка найти вычитаньем
Различие меж ней и людьми,

Найти этот мертвенно-странный,
Прозрачный, невидный почти
Дрожащий остаток стеклянный,
Несчастный, как пламя в печи.

1987

* * *

А на севере — небо в изъянах,
В центробежных огнях — облаках,
И как дым студенистый в кальянах
Поднимается снег на руках.

И не знает как можно, как нужно
В этом севере жить без следа,
Где закатное сердце жемчужно,
Где крови серебриста слюда.

Где деревья, затепливши свечи,
Провожают дыханье свое,
Словно отзвуки северной речи,
Словно странные сестры ее.

А у снега — понятна дорога:
На руках пустоты улетать,
А оставшейся жизни немного
Не успеть, чтоб от них не отстать.

1986

ЗИМА И СЕРДЦЕ

Час от часу не тяжелей
Зима над снежными полями —
Серебряный воздушный змей,
Слепя несчетными крылами,
Над черной дельтою блеснит.
Он неподвижен. Он летит.

Равно от неба и земли
Далек, сколь можно быть далеким,
Как жизнь — в серебряной пыли,
Как смерть — серебряным и легким
Застыл, отовсюду виден весь:
И нет его, и все ж он здесь.

Меж взглядом снизу и другим
(Почти что светом) взглядом сверху
Застыл он — снежный георгин,
К весне меняющий расцветку,
Твердь лепестков еще тверда,
Все звезды в нем, он сам — звезда.

Как знать бы, знать наверняка
Что он не потускнеет за год,
Что блеск по краю лепестка
(Прозрачный сок из скользких ягод)
Скользнув, не опалит крыла
Зимы из снега и стекла.

Так смерть стекло, а жизнь — свет,
Стеклом усиленный настолько,
Что кровь студеная, как снег,
И сердца тонкая прослойка
Сияет тусклым серебром
Меж тьмою, небом и ребром.

Так сердце то же, что зима,
Или зима подобна сердцу
Для взгляда, слуха и ума:
Сквозь их серебряную сетку
Как ни смотри — всё не твое
По обе стороны её.

Но взгляд, коснувшийся стекла,
Назад вернется не собою
К вершине узкого угла,
В глазу, за скользкою слезою,
Узор, увиденный в прорыв,
Сколь смог запомнить, повторив.

Так жизнь — взгляд, летящий вниз —
Лишь сердца тонкого коснется,
За край зимы, простертой ниц,
К зрачку начальному вернется,
Неся всё краткое, как вздох,
Туда, где холод, сумрак, Бог.

1985

КОНЕЦ ДЕКАБРЯ

Вполсилы воздух зазвенел,
В полночи мир заледенел,
Летели хлопья на порог
Со всех небес, со всех дорог.

Еще вчера намокший свет
Блуждал, не разлепляя век,
В декабрьском слякотном тепле,
Над грузной тенью крепостной...

А утром здесь была зима,
Ясней огня, светлей зерна,
Встречала нас в рассветной мгле,
Скорей прозрачной, чем пустой.

Истончены, едва видны,
Деревья юные, одни,
Казалось, кланялися ей,
Отряхивая снег с ресниц;

Они-то знали, что она
Лишь накануне рождена
В холодных кузницах ветвей,
Под перьями озябших птиц.

Деревья знали: все вокруг.
Лишь плоть от плоти их излук,
Что снег в движенье приведен
Обратным ходом их сердец,

Что белизну и синеву
Зима вбирает сквозь траву,
Сквозь черный, выстуженный дёрн,
Как осень — золото и багрец.

Казалось, время ждет от нас
Таких же тщательных прикрас
На скользких ветках пустоты
Обвивших легкие тела,

Казалось, всё, что видим мы,
Лишь ясный сад бесплотной тьмы,
Её прозрачные листы
Без имени и без числа...

А время — это лишь закон
Их превращения в снег и свет,
И в ночь, и в хрупкий небосклон
Печальных, запоздалых лет.

1984

СЕВЕРНАЯ ЭЛЕГИЯ

Олегу Юрьеву

И снова темные сходились половины
Ночи и севера, и мускул часовой,
Сжимая тьмы холодные пружины,
Под кожей времени напрягся восковой.
И к северу теснили воздух сжатый
Провисшие круги ночных небе...
Времен окраинных безмолвный соглядатай,
Я шел средь берега, где голос мой исчез,
Где сжалось тягостно пустое сердце года,
Где в рабской тьме, на дне морской сумы
Мой дом склоняется в дыханье сна и меда...
Я шел средь берега, сойдя с кругов зимы,
Оставив дом, без светов и отдушин,
Сошедшей полночи заботам восковым —
Не мной построенный — он без меня разрушен,
Стояньем северным гордившийся своим.
Не мной построенный, я свой оставил дом,
Следя бестрепетно, как год пустым крылом
Сбивает дней огни в свечах зимы ветвистых,
Как новые ведет огни зима,
И сходят сосны темные с холма —
Свободные в своих цепях искристых...
Луна отсветная качалась на волне, —
Я шел средь берега, свой голос догоняя,
Под звездным жжением, морской сумы на дне;
Не встретив никого, земли дошел до края:
И та же ночь над ним, и северных небес

Всё так же тягостно унылое свеченье,
Всё тот же в листьях снежных лес,
Всё то же тьмы морской волнение...
И я ушел назад, как будто умирать
Не так же тягостно, как с черным ветром спорить,
Не так же холодно, как листья отпускать,
И жить без времени и черной лире вторить,
И кровь свою собрать по капле, по листу,
 И в тягостном кругу луны багровом
Пустого времени пустую красоту
Склоненным к полночи застывшим петь сугробам,
И слушать преданно, как в сердце часовом
Костей серебряных разносится бряцанье...
Но им ли ведомо, когда мы здесь живем,
Но струн беззвучное немислимо мерцанье!...

1984

МОСКОВСКИЙ НАБРОСОК

На бедность кладбищам и рощам
Грошовый свет над головой...—
К какому небу приторочен,
Чьим попеченьем раззолочен,
Москва, дырявый купол твой?

Вдогонку ангелам иль бесам
Руками веток шевеля
Твой вечер с выморочным блеском,
И птицы в платье европейском
На ржавых веточках кремля...

Ахти, Москва, по темным нишам
Твоим я крова не искал,
Глядел, не мертв и не унижен,
Как темный воздух твой, расстрижен,
В кривых проулочках мелькал.

А ты — ты глаз не отводила.
И что ж — нам виделось двоим,
Как тяжелой ношей ты застыла —
Не торг, не церковь, не могила —
Над сердцем крашеным своим.

1985

ОСЕННЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Опять, мой друг, у северного лета
Лишь эта жизнь нейдет из головы,
И зелени скудеющая лепта
Сходящая сквозь пальчики травы,
И листья торопливые (на деле —
Уставшие на скользкой высоте)
На ошупь проверяют совпадение
С своими отраженьями в воде...
Опять, мой друг, едва ли не лукавя,
В речную прелесть этих перемен
(Как зеркальца пустые переставя)
Скользнула память, вынеся на мель
Тот ясный год, — где в августовской лодке
Помимо наших — не было теней,
Где берега в осенней поволоке
Как будто удаляются, верней,
Лишь движутся на выщербленном круге
Столь схожих дней, где каждый оборот
Так приближая прошлое к разлуке,
Разлуке отдаляться не дает.

.....
Теперь листвы едва ли половина
Вкруг лёсочек трепещет дождевых...
Когда б, мой друг, не столь непоправима
Была бы жизнь не прошлых, но живых,
Я б не узнал, тебя не вспоминая,
Сколь долгая, сколь дразнящая нас
Досталась жизнь (как лёсочка льняная), —

Я б не узнал, в те дни не воротясь,
Где, кажется, становимся счастливей,
Чем более мы счастливы теперь...—
Как будто свет над кровлею, дождливый,
Все ж проникает запертую дверь,
Как будто год лишь к осени позволил
Столь сходства с прежним в блёкнущей красе,
Что прежний, тот, забрезжить приневолил
У памяти в прибрежной полосе,
Как будто время — лишь перемещенье
Разрозненных зеркал из глубины
Ночной реки — и наши отраженья
В одном из них еще совмещены...

1984

* * *

Странно видеть — час заката
Был он часом расставанья
С этим воздухом из злата,
С этим солнцем из сиянья.

Черно-синий сумрак грязный,
Облаков трухлявых груды,
Жизни шум однообразный
Ни о чем и ниоткуда...

Словно след на снежном прахе
На ветру дыханья след, и
Разве ж пряжи этой пряжи
Столь же зорки, сколь и слепы?

Видимое — все свернулось
В эту складчатую ризу:
Кверху золото стянулось,
Серебро осталось снизу.

Все осталось — больше нету,
Снег засыпал наковальни.
Ты ли, жизнь, тебя ли эту
Мы собою называли?

Серебро на ткани меркнет,
Ветер обрывает латки.
Мир уходит, но не вверх, нет,
Внутрь, в свои пустые складки.

1985

* * *

Вечер ясен стал, и в нем
Скralиcя следы разрухи
В листьях, сваленных дождем
Веткам в вымокшие руки.

Стало ясно. Ночь сошла,
Словно в небе заплутала.
В небе плавала игла,
Золотая, залатала

Все прорехи, что в волне
Дождь оставил, убегая...
В небе, в воздухе, вонне
Все вздохнуло, возникая

Ясным, новым, словно в час
Перед жизнью, после смерти...
Ветер странно заскучал
В небе свертывая сети.

Ясно стало. Праздный мир
Замер, странно озаренный,
Словно в следующий миг
Прянет, дрогнет, сотворенный.

1985

* * *

Не все то золото, что гаснет
В осеннем зеркале, когда
Густые сумраки прояснит,
Протравит жесткая вода.

Но все возникшие подвески
Алмазных зерен дождевых
Зажгут развенчанные ветки
Не мертвых блеском, но живых.

Так все ушедшее умеет
Над краем жизни замереть,
Так умирая, тяжелеет:
Где был огонь — там станет медь,

Где небо высылось — густея
Стеклянный сумрак поплывет,
Так ветер — странная затея —
В листве подхваченной живет.

Так с сердцем, тающим и крепким,
С рожденья — косной пустотой,
А после — выдохом и слепком
Несчастной жизни золотой.

1985

* * *

И такая оскомина за год
От горчащих мороженных ягод —
Этих дареных дней костяных,—
А и трети не прожил из них.

Ну а листьев светящихся ворох,
Да сердечный полуночный шорох
В осторожной соломе дождя —
Что же легче забыть, уходя?

Что же легче непрошеной доли —
Чтобы ветры в муку размолоти
Сбереженную жизнь по зерну,
Травяную, сухую, одну?

Но за эту негорькую долю,
Что ж застывшее сердце неволю,
Костяное, сухое на треть,
В кровавой паутине звенеть?

И за эту нетяжкую ношу
Торопливое зренье стреножу,
Ничего на чужом берегу,
Отвернувшись, не видеть смогу;

Только крови звенящая склянка,
Только ватная неба изнанка,
Только ягоды северных дней
Всё дороже, всё горше, темней.

1984

ДВЕ СТРОФЫ

Закат рассыпался вдали,
Чтоб завтра выскользнуть с востока;
С изнанки ночи и земли
Парит, как птица, невысоко.

А солнце, дрогнув над волной,
За ним нет света, нет ожога,
Исчезло — жребий золотой
В руках младенца или Бога.

1985

* * *

Д. Д.

Погляди из-под ресниц
Напоследок, перед новым
Днем, запнувшимся о шпиг
Светом, воздухом, остовом;

Погляди в последний раз
(Месяц — мелкая монета —
В речке вспыхнул и погас
Как прощальная примета)...

У деревьев сколь остры
Плечики сквозь складки шалей,—
Сколь огни твои быстры,
Память, пленница деталей,

Жестов, отзвуков — темна
Их череда, реке подобно...
Столь же память неполна,
Сколь мгновенье непдробно...

...Погляди из-под ресниц,
Напоследок, перед прошлым,
Этот день меж двух столиц
Был ли, не был — только прожит.

1985

ПОСЛЕ ПОЭТИКИ

I

Строенье воздуха — пчела,
Строенье музыки — орбита
Пчелы, неслышного челна,
Её невидимая битва
В зеркальной яме лепестков,
В цветке, где сковано движенье
Прозрачных крыльев и витков,
И звук венчает поражение.

Есть сердце воздуха — пчела,
И есть цветок — основа звука,
В нем лепестки — лишь зеркала,
А стебли странная излука —
Лишь то, что держит на весу
Осколок с твердью голубую
И звука хладную росу
Но видит в чаше над собою.

Зато, чем выше лепестки
Возносит стебель угловатый
Сквозь эти страшные тиски,
Сквозь ватный сумрак ноздреватый,
Тем ближе звука вещество
К звучанью верхнему, златому,
Тем снизу явственней его
Подобье молнии, не грому.

Так, звук, взлетев издалека,
Беспомощней последней птицы,

Спасенный клеткою цветка
От страшных нетей без границы,
Уходит молнией, дрожа,
В бескрайней памяти сиянье,
Как будто званая душа
Идет в последнее изгнание.

II

Так человек — цветок во тьме,
На тонком стебле уязвимом,
В душе, и в сердце, и в уме,
И в Божьем замысле незримом —
В зеркальных этих лепестках,
Столь непохожих друг на друга,
Едва прояснится сквозь страх —
Возникнет музыка — упруга.

И так судьба его — пчела,
Земля — его застывший воздух,
И тускло брезжат зеркала
В несхожих спутанных разводах;
А жизнь — она и есть тот звук,
Пчелой из воздуха добытый,
Всех этих снов, всех этих мук,
Одной подхваченных орбитой.

А звук, рожденный в нищете,
Он больше голоса и слова,
О страшной бредит красоте
Его несчастная основа, —
Он застывает, он кружит
Впотьмах серебряных и карих,
И словно молния дрожит
Роса на лепестках зеркальных.

А человек, застыв внизу,
Из тела хрупкого не выйдет,
И звука хладную росу
Снаружи глядя не увидит.
Лишь раз, пространство ослепя,
Взлетит над мертвою судьбою,
Увидит музыку — себя,
И перестанет быть собою.

1986

* * *

Снова в сумерках осенних
Нету света своего,
В этих темных воскресеньях
Не воскреснет ничего.

То ли месяц на ущербе,
То ли жизнь на волоске,—
Спит земля в своей пещере,
В черном воздуха куске.

Крепко спит, во сне не верит
Рощам вымокшим, нагим.
Ниоткуда не шевелит
Тайным сердцем дорогим:

Это сердце — не золотое
И не алое оно,
Все во тьме, внутри пустое,
До краев собой полно,

Словно мертвое, а мертвым
Воскресенье — ближний свет.
Спит земля и сердцем тертым
Не шевелит — нужды нет...

Спит земля, а в человеке —
Дальней области ее —
Слева, воздуха левее,
Тоже сердце у нее.

Тоже сердце — но иначе
Жизнь его заведена,
Бьется, кружится незряче,
Словно музыка, темна.

Спит земля, а здесь, в неволе,
Это сердце наяву
Верит смерти, как живое,
Роще, прячущей листву,

Верит сумеркам осенним,
Не оставившим следа,
Верит темным воскресеньям,
Не воскреснув никогда.

1985

* * *

В этом складе прозрачных вещей,
Где лишь храбрые люди не спали,
Где деревья с бессмертных очей
Золотые повязки не сняли,

В этом граде прекрасных пустот
И полночных мерцаний промозглых,
Где прекрасное время живет,
Как пчела в обмороженных розах,

Мы стояли как полночь сама
Под невидящим взглядом затмения,
Словно черные снизу дома,
Словно белые сверху растенья,

Словно люди, глядящие вверх,
Где тягуча, страшна, двуязыка,
Как смертельных огней фейерверк
Золотая запела музыка...

«Да о чем же?»— спросили из тьмы,
Словно кровь пронеслась по аортам.
«О прекрасном,»— ответили мы,
А деревья сказали: «О мертвом».

1986

* * *

Воздух ночи ночью занят.
Не закрыт пространства складень.
Должен быть отстроен за ночь,
День, что был разрушен за день.

Чьи шаги слышны в потемках,
Кто шуршит двуручным ветром?—
Устроитель стенок тонких,
Пляшущих чеканщик веток.

Основатель черных речек,
Попечитель галок нищих,
Выпуклых сиреней резчик,
Крутобоких куп гранильщик,

Мастер птиц, знаток капризных
Механизмов насекомых...
Вот, помешкав на карнизах,
Входит в сумрак низких комнат

Новой кровью вместо ржавой
Наполняет сердца склянку,
Протирает тьмой шершавой
Золотую век изнанку

И в конце, последним взмахом,
Душу, отданую теням,
Осняет свежим страхом
Перед смертью и рождением.

1988

* * *

Свет ночи был, как жирный гул шмеля,
Висел, кружился, тыкался незряче
В листвою черной остекленный сад.
Вся жизнь была как эта ночь на даче —
Тень на лице и луч на волосах,
Как над стежком уснувшая швея.

Вся жизнь была как видела во сне
Цветную тьму в цветных стеклянных ромбах,
Стрекоз, и трав, и гусениц союз,
Права берез и вольности черемух,
Сухой полет лишь ночь живущих муз
И неба свод на медленном огне.

И вдруг качнулся мира круглый бок,
Прильнул к глазам, стал нестерпимо близок,
И мир в нее как новый мозг вошел;
Так иногда в шуршащих света брызгах,
Напоминая рой светящих пчел,
Влетает в фортку молнии клубок.

И слой листвы устлал изнанку глаз,
Под теменем шуршали тьмой коренья,
И в лобный свод упрямо бился шмель.
За тайную черту возникновенья
На миг вернулась жизнь. Но прошумел
Разряд в крови. И ночи свет погас.

1988

* * *

Никогда не меняется осень,
В неродные аллеи входя:
В небесах загустевшая просинь,
Да без смысла круженье дождя.

И деревьев нестрашная старость,
И забытое в полднях тепло,
Но совпавши во всем, что осталось,
Отличается в том, что ушло.

Словно где-то ослабло свеченье,
И осеннего полдня черты
Исказило опять приращенье
В недалеких слоях пустоты,

Словно странный мерцающий шершень
Пустоты собирают сырье,
Чтобы жизнь, наполняясь ушедшим,
Возвращалась в начало свое.

И как будто в пустую аллею
Обернувшись, узнала на миг
След светящий, оставленный ею,
Словно Божьего света двойник.

1986

ВЕНЕЦИЯ

Город грозен, город весел,
Чудно, сумрачно хитер.
Сети красные развесил,
Невод мраморный простер;

Раскачал меж ветхих зданий
Черных лодок гребешки,
Развозящих пряный, дальний
Воздух, сложенный в мешки.

И под сумраком собольим,
Чуть ссутулившись, застыл
Рядом с низеньким собором
В круглых шапочках простых.

С ним навряд ли станешь дружен,
Столь он грозен, не грозя.
Горсткой тающих жемчужин
Брызнет в праздные глаза,

Приревнует к мелким стайкам
Волн, взлетающих к губам,
К легким чайкам-чужестранкам,
К горожанам-голубям.

Раскачает на прощанье
В лодке с легкой кормой,
И как в вечное изгнанье
Гостя выпустит домой.

1988

ЛОДКА

Вот и я, досужий, наудачу
Оказался в городе лукавом,
В этой лодке, залитой по мачту,
По чудным построенной лекалам.

Здесь дворцы — как ракушки на днище,
Здесь стекло чешуйчатое в рамках,
Здесь вода рассеянно и нище
Дорогой выклеывает мрамор.

Здесь чужой, по-рыбьи толстогубый,
Захлебнувшись сумраком внезапным,
Я дышал процеженным лагуной
Кислородом праздничным и затхлым.

Здесь по ветхим ракушкам-палатам
Я бродил, тяжел по-человечьи,
Привыкал к разбойничьим повадкам
Венецейской цокающей речи...

Ну а город чуден был, несветлый,
Был как вечно собранный у отплытью.
Жемчуг лишь, приросший к створкам, смертный
Чуть дрожал, пронизан Божьей нитью,

Чуть вздымался над подводным ложем
К теплым звездам, влажным и покорным...
В эти дни в аквариуме Божьем
Я накормлен был жемчужным кормом.

1988

* * *

Есть в осени странная цельность,
Есть странная собранность в ней,
Какая-то тяжесть, отдельность
От этих расхристанных дней.

Есть в осени странная чужость
Твореньям ее же творца,
Так мертвые в складках жемчужниц
Живут дорогие сердца.

Есть странное, в сущности, время
Обмякших и ветхих пустот,
Где осень — прозрачное бремя
В невидимых складках растет,

Меж тем, как снаружи осенний
В природе не виден ущерб,
И нет в ней осенних растений,
И нет в ней осенних существ...

Лишь где-то меж сомкнутых створок,
Где плоть называется твердь,
Где кровь называется шорох,
Есть сердце, жемчужина, смерть.

Висящее скатанным шаром
Покинутых дней вещество,
А осень — пред новым ударом
Пустое разжать его.

1987

* * *

У деревьев лица золотые,
Золотые круглые ступни,
Без огня за чтением псалтыри
Коротают сумерки они.

Шевелятся медленные губы,
Скулы золоченые блестят,
И пространства выгнутые лупы
По страницам траченным скользят.

И сквозь стекла воздуха большого,
Среди ночи сильные вдвойне,
Столь огромным делается слово
У псалма в прозрачной глубине,

Что его увидеть очертанья —
Не деревья — не умеем мы,
Как не видим контуры молчанья,
Очертанья воздуха и тьмы.

И, топчась за спинами растений,
Меж страниц, что ветер пролистал,
Не слова мы видим, а осенний
Этих слов прозрачный материал.

В нем сиянье, таянье, брожение,
И прекрасный смысл неразличим...
Но еще нам ведомо сложенье
Бесконечных страшных величин,

Никогда не виданных воочью,
Лишь под мягким, тающим стеклом,
Где расплылся кажущийся ночью,
Только что составленный псалом.

1987

* * *

Пожелай невеселого неба
И бесстрашного светлого дня,
Где над голосом горя и гнева
Ледяное смиренье огня;

Пожелай до явления смерти
Золотого явления зимы
И прозрачной, беспамятной тверди,
В эти легкие влитой взаимы;

Пожелай бесполезного дара,
Ожиданья, сиденья впотьмах,
Этой жизни свечного нагара
В невысоких и темных домах,

И осеннего моря разруху,
И прекрасных деревьев союз,
Под свою принимающий руку
Странных, северных, плачущих муз.

1986

* * *

Здесь не страшно. Здесь пахнет зимой,
Здесь огни в недостроенных гнездах.
Здесь ушедший с попутною тьмой
Без вестей возвращается воздух.

Здесь река и дворцы на реке,
И деревья из колкого пуха,
На московском своем языке
Говорящие страстно и глухо.

Что ж еще здесь? ...Здесь значат одно
И растение, и камень, и птица...
Здесь не страшно, здесь просто темно,
Это ночь. Это даже не снится.

Это здесь. Это странный ковчег,
Не доплывший до Божьих владений...
Только что здесь и где человек
Средь вещей, и существ, и явлений?

Он не пленник — здесь нету оков,
Он не гость, попросивший ночлега,
Он не равный, хоть красная кровь
В нем разбавлена пригоршней снега...

Он невидим. Он смотрит во тьму,
Чья легка и серебряна пена,
Словно здесь по дороге ему
С этим миром, плывущим из плена.

1988

Валерий Шубинский

БАЛТИЙСКИЙ СОН

БАЛТИЙСКИЙ СОН

...И граница, далее которой
Не ступить, приблизится, и вот
Вспыхнет звук за чёрно-серой шорой,
Воздух за натянутою шторой
По листве бесчувственной пройдёт.

Свет недвижим по реке Нарове,
Для себя придуманный предел...
Плещется ещё в растворе крови
Мир картавый черепичных кровель,
Голубой неродины удел.

Сколько раз я жизнь чужую прожил
За чертою этой, а за ней —
С неба взятый ветер в складках кожи
Да кривые крылышки похожих
На стрекоз ганзейских кораблей.

Та же волосатая равнина,
Та же набок сбившаяся власть,
Тот же вырез ярового клина...
Родина окончилась. Чужбина
В тех краях ещё не началась.

Та же светло-серая дорога,
Те же груды щебня и песка...
Родина чужая, ради Бога,
От тебя мне нужно так немного,
Что же по тебе моя тоска?

Только дальше к морю будут дюны,
Будет два-три озера, осок
Множества натянутые струны,
Злые сосны, розовые луны
И сырой, крупитчатый песок.

Слышу мерный шорох поднебесья,
Жизнь чужую ближних городов...
Господи, ты видишь, вот я, весь я,
Обитатель царского предместья,
Не нашедший собственных следов.

Сон жесточе есть, с иной границей,
Не по полю черченной, а той,
Где что было северной столицей
Станет мглой бестелою, безлицей,
Сгустки света станут темнотой.

Тёплый сумрак с беличьей мордой
И прозрачный желтоватый свет.
Воздух каменный во мгле простёртой
Песнею прекрасной полумёртвой
Мертвой жизни плачется в ответ.

Если всё же стану я звездою,—
Лишь затем, чтобы осесть в любой
Точке над зеркальной слюдою,
Над горизонтальной водою,
Твердью жёлтою и голубой.

1984

* * *

Любовь вольней пчелы жужжащей,
Земного воздуха черней,
Страшной большой иглы, дрожащей
Над жизнью маленькой моей.

Она за тучей разовьётся —
И светёл станет небосвод.
Она от неба оторвётся —
И белой молнией блеснёт.

Бог весть кому принадлежащей,
Не проникающей миры,
Пчелой, пчелой, пчелой, летящей
В подобье маленькой дыры.

И, воробьиной смерти тише,
Сквозь оскудевшие снега
Она быстрее бега мыши
Бежит, ударившись в бега.

И в каждой, самой дробной части,
Пока в поток она нырнёт,
Несуществующее счастье
Кровавой каплею сверкнёт.

1984

* * *

Эта музыка жёлтых тюльпанов
Превращает течение слов
В гармонический выдох органов
И в дрожание колоколов.

Только белому зимнему небу
Не под силу висеть на ветвях,
Только шарики света и снега
Замерзают на длинных словах.

Лишь на западе сонно светило
На туманную зиму глядит,
И карболка в каналах застыла,
И ворона на запад летит.

Там в сгущённом янтарном растворе
Похудевшая рыба сквозит,
Пробиваясь в зеркальное море,
Забывая про невский гранит.

Лишь цветы вырастают из света
И стоят над землёй, как всегда.
Ничего, никого со мной нету,
Кроме воздуха, солнца и льда.

В этом сумраке невыразимом,
В этом воздухе полуживом
Я люблю эти страшные зимы,
Застеклённые в сердце твоём.

1984

* * *

Бортнянский, звук плотнее глины
И эха краткого честней.
Средь позолоченной долины
Я вижу каменные спины
Твоих танцующих коней.

В твоих садах крылатый ельник
И медь коричневых дубов,
Да пчёл могучий можжевельник,
Где спорят вор, колдун и мельник
Средь развороченных гробов.

Пространство, пахнущее звоном,
Пролёт озвученной строки!
Под безграничным небосклоном
Танцуют девочки в зелёном
В отчизне хлеба и тоски.

Я знаю: звук не больше звука,
Не оттого ль так жизнь длинна?—
Бессмертью лучшая порука —
Её спасающая мука,
Её басовая струна.

И что светлее этой мощи,
Что звона ломкого милей?
Всю жизнь гулять — чего же проще?—
Под сению гранитной рощи,
В дешёвом бархате аллея...

1984

* * *

О. Юрьеву

С каждым новым вдохом всё светлее
Знаю я, что любит Бог меня,
Что кривые чёрные аллеи
Тихо-тихо смотрят на меня.

Что не зря Нева течёт к заливу,
Где на камне волосатый сад,
Где над самым краем терпеливо
Чайки одногорбые висят.

Просто-просто: строчками прострочен
Чёрный шёлк и воздухом укрыт,
И пейзаж от чёрных точек точен,
Только оклик в выдохе висит.

Ничего от жизни нам не нужно,
И ничто бывшее не ушло,
Если всё железно и жемчужно,
Всё — вода, всё — воздух, всё — стекло.

С каждым вдохом связан я сильнее
С этой жизнью, тихой на беду.
Так я будто бы сроднился с нею,
Что уже отсюда не уйду.

Но — чем уже спутанные пути,
Тем беззвучней в голосе немом.
Будущие гулкие минуты
Глухо в сердце капают моём.

1984

* * *

Нипочём мне не нужно сияния:
В этой жизни без света светло —
Серебристого неба стояние,
Бездыханного моря стекло.

Был же сызмальства воздух отравленным,
Что ж дрожу я над веком слепым,
Будто птица над телом оставленным,
Над растворенным телом своим?

Видно, по морю надо, как посуху,
Чтоб в чужой стороне погибать.
Тяжело же железному посоху
Эту серую хлябь разгребать!

Дай войти в твоё небо суровое,
Не сведённое с низкой землёй,
Да в балтийское солнце свинцовое,
Что над самой висит головой.

Ни вода, ни зола, ни растение,
Ни дыханье, ещё я не звук.
Далеко ты, пространства смещение,
Бесконечных скрещение рук!

1984

ПОВЕСТЬ

А у здешней ночи узок ноготь,
Царскими монистами звенит...
Нижний город — золото и дёготь,
Верхний город — ветер и гранит.

Нижний скажет: «Полон я цветами,
Лицами, дворами и дождём.»
Верхний город шевельнёт мостами,
Улыбнётся старческим лицом.

Нижний город: корабли литые
Уезжают к высохшим морям.
Верхний город — буковки витые
И питьё со смертью пополам.

Нижний город: маленькие горны
Песенки дудукают свои.
В Верхнем — чёрны, безнадежно чёрны
Оскорблённой памяти слои.

На косые стены вечер ляжет,
Воздух в старых башнях зазвучит...
«Ну и славно»,— Нижний город скажет,
Только Верхний город промолчит.

Ничего за островом не видно —
Корабли да красные огни...
И глядеть полуночи завидно,
Как всю смерть торгуются они.

1984

ПЕСНЯ

У мокрой грани Петрограда,
Где в ставень ветер бьёт и бьёт,
Вода красивая, косая
Во рваных берегах течёт.

Была там стройка и помойка,
И дым стелился от земли,
Там царской водкой торговали,
Костры коричневые жгли.

Стояли страшные заводы,
Вода сквозь сеточки текла,
В черночешуйчатые воды
Гляделись жёлтые глаза.

Рвались исписанные листья
И шли столетия почти
В неладно сшитые каналы
Конногвардейские дожди.

А в девяностом лете ветер
Порвал игольчатую сеть,
И всё, что на небе стояло,
Вдруг стало на земле висеть.

Всё вдруг светло и сухо стало
В душе и в небе, как нигде.
Земля окрестная опала,
Ползли созвездья по воде.

1984

НАЧАЛО ОСЕНИ

Пока не мёртв я, ничего мне больше от тебя не надо,
И верить я тебе готов, что ты не прячешь пустоты
В линялых складочках земли, в изломах северного сада,
Когда с дубов его Борей срывает первые листья.

Ты белый свет изобрела, ты чёрным цветом овладела,
Ты научила пчёл жужжать, ты травы научила цвести.
Я знаю — есть в тебе предел, но не видать тебе предела,
Огромна, хороша, страшна — везде, где нет тебя,
ты есть.

Из горла беглого царя ты птицу выпустишь порою,
И он со скрипочкой своей застынет в горькой немоте.
В еврейских мелких волосах гуляет осень под горою
В бездонной бедности своей, своей бескрылой красоте.

Вся безнадежность бытия, изнанка жизни и природы
В такие сумрачные дни отворена, обнажена.
Над ветром выпитой землёй дрожат чешуйчатые своды,
Не убывает пустота, не умолкает тишина.

Ты лучше, видимо, чем я предполагал, предполагаю,
Ты смерти, видимо, честней, бессмертья, видимо,
щедрей,
Как оказалась хороша твоя изнанка золотая,
Как оказался говорлив балтийский вкрадчивый Борей!

О, если б так и мне связать безвременно и расстоянье,
Чтоб в эхо долгое твоё вонзить точёную слезу!
Как быть мне, коли осенит твоё прохладное сиянье,
Твой шум, шумящий наверху, меня, стоящего внизу?

1984

* * *

Всю ночь у дома моего
Деревья чёрные стоят.
Они не видят ничего
И ничего не говорят.

Не всё, что в этой жизни быть
Со мной могло, уже сбылось.
Они не в силах повторить
Того, что я не произнёс.

За всё, чем я не мог бы стать,
За всех, кем я бы смог не быть
Мне солнцу нечего сказать
И ветер не о чем просить.

Уже и сам я не пойму,
Как жизнь, повёрнута ко тьме
Лицом, в виду имея тьму,
Не так сложилась, как в уме.

1985

* * *

Я умру в середине июля,
И забрызганный жгучей смолой
Шмель — живая косматая пуля
Прилетит за мою душу.

Он посмотрит цветными глазами
В тонкостенную громкую тьму
И бессмертье осмью голосами
Как скворец, обратится к нему.

Как в зеркале меня повторяя,
Засмеётся окраина тьмы,
В пустоте для меня прорезая
Коридор из воды и сурьмы.

Краток путь от конца до зачатья,
Краток путь от земли до земли,
Где природы потёртые платья
Отдыхают в горючей пыли.

Человек есть больное растение
Иль мохнатый и солнечный змей;
Он уходит не в ночь, но в сплетенье
Угловатых огней и камней.

1985

ТЕРИОКИ

Не есть ли море только голос,
В полон не взятый тишиной,
Да белизна, что откололась
От тёмной пестряди земной?

Я знаю, для чего с землёю
Здесь вечный спор вода ведёт,
И пахнет золотом и хною
Нечищенный осиный мёд.

Узорны берега извивы,
Просты у сосен имена.
Они красивы и червивы,
Черна их кожа и красна.

И край улиток и черники,
Шиповника и стёртых скал
Не спит, прислушавшись к музыке
Текучих вогнутых зеркал.

Вдруг ветер подует, воздух схлынет,
Забьётся в сеточках вода,
И мир трепещущий застынет
И затвердеет навсегда.

Не часть ли огненного строя
Пронзивший этот мёртвый слой
Невзрыхленного перегноя
Мохнатый звук, как жук живой?

1985

МОСКОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Д. Заксу

Когда б я не был сотворён из срама,
Я б знал, что мир зеркален, звонок, зол,
Что твердь мягка и свет течёт не прямо
Сквозь длинный мрак, как сквозь ружейный ствол.
А город спит — огромный, кривобокий,
Раздаренный на высь и ширину,
И ниспадает дух его жестокий
К пурпурному мерцающему дну.
Да, грозен мир — как будто бы сожжённый
Столетний лес в крутящемся дыму,
Весь безвоздушный, гулкий, обнажённый —
Я ничего в том мире не пойму.
Когда бы смерть хоть чуть была короче,
Чем эта жизнь — кратка она, проста,
Или когда б в расширенные очи,
Как пыль, не попадала красота —
Я б сделал плоть подобием сосуда
Бесцветного и хладного огня,
Я б знал, что жизнь на сотни вёрст отсюда
Моя и невозможна без меня.

И площади огромные, стальные
Внезапно загрохочут, запоют,
И дрогнет ночь, и дверцы боковые

Откроются на несколько минут,
И выйдет свет — тягучий, залежалый,
И страшный переулочек осветит,
Повиснет на деревьях воздух палый,
Спелёнутое небо обнажит.

1985

ВЕЧЕР

Всё тучи нижние багровей,
Злачёная всё тоньше нить...
Да, о земле, воде и крови
Только и стоит говорить.

Об этой — правой и неправой,
Себя не давшей не простить
Жизни — бескрылой, но двуглавой —
Только и стоит говорить.

Вот этой кошечке кровавой,
Сейчас глядящейся со мной
Глазами, полными отравы,
В зеркальный вечер, в неземной.

Мой голос... Горизонт надорван,
Черно в скрежещущей листве,
Сорные ледяные зёрна
Звонят в небесной мураве.

На реках похоти и боли
Вертеть колёса нам сто лет,
Покуда не перемололи
Всё в ней, что не стекло и свет.

А вам, покинутые звуки,
Жить с нею страшно без конца,
И вы б сломали — были б руки —
Её иголку из яйца.

1985

МАРТ

1

Чёрный лес ожележенный в дробном
Свете вспыхнет — и смоеся свет.
В царстве нитяном, в мире подробном
Ничего не дрожащего нет.
Ничего — лишь кусты власяные,
Да подснежные сны травяные
Так же плотно, как за год, висят.
А верховные пряди льняные
Не вместились в заутренний ряд.

2

Снег не бел, не лазорев, не золот —
Чернь, слежавшись, с изнанки тверда.
От зимы здесь остался лишь холод
Да невспоротость грязного льда.
Да последней лазури частица,
На которой весь воздух крепится —
Стоит сини ещё развестись —
Чёрный лес распадётся, растлится,
Свет взлетит в занебесную высь.

3

Жду — весь день за сырой простынёю
Солнце — бледный Господен зрачок —
Что проснется с закатной волною
Спящий луч — и раздастся щелчок.

Только будет ли просвет оттуда?
Может статься, и вдоволь здесь чуда —
Крепко ж держится мир ледяной
На осколке звенящего гуда
И на перистой выси льняной.

4

Пахнет затхлостью, тленом, стареньем,
Отпаданием твердеющей тьмы.
Не расстаться природе с цареньем
Худородной балтийской зимы.
Но гляди — с-под моста деревяного,
С-под пожухлого снега дрянного
После полдня вода поднялась.
И невнятно грачиное слово:
Смерть закончилась? Жизнь началась?

5

Есть последняя мера распада,
За которой — возврат в пустоту.
Нечто, видное даже для взгляда,
Перейти не позволит черту
Этой тверди, что очи закрыла,
Что на ставень пузырь затворила,
С головою зарылась в песок.
Есть для жизни прошедшей могила,
Есть у будущей жизни исток.

1986

НЕНАСТНЫЙ ВЕЧЕР

Лимонно-пепельный закат
Разорван проскользлившей фарой.
В тени у церковки нестарой,
Поблекший на ночь, дышит сад,
И травы чёрные блестят.

Вся тварь в подветренной стране
Глядит туда, где чуть светлее,
Чем этот — в облачной броне —
Весь мир в замёрзшем синем клее,
Весь мир у времени на дне.

Безлицый, с кровью водяной
Он обращён с молением гневным
К стоящему в светиле дневном,
Лицом повёрнутом к иной
Земле — за облачной стеной.

Но вверх скользнёт неломкий луч,
На микроплёнке повторяя
Весь мир, что мягок и текуч
Здесь, очертания теряя,
И вместе — праздничен и жгуч.

И вместе — праведен и зряч,
От старшей жизни неотделен,
Промозгл, безвыходен, не велен
Никем, что эта ночь ни значь —
Любовь, кончину, праздник, плач.

1986

РАЗГОВОР

Л. Межибовскому

1

«Этот город тебе не родной,
Но подсуден тебе на века.
Здесь купается камень сыпной,
Здесь щербатая плачет река,
И торчит над больною волной
Позолоченный шпиг жестяной».

2

«Знаю — медного ноги коня.
Знаю — старого сгустки огня.
Крепкотелые баржи грузил
Этот город на том берегу
А чем я за него заплатил,
И тебе я сказать не могу.

Треугольное устье запрут,
Малосольные ветры умрут.
Но останется вечно со мной
Позолоченный свет ледяной.»

1986

* * *

Пахнут старостью и стужей
Стены чёрного села.
Над жиреющей лужей
Накреняется ветла.

Развидняется, исходит
Смурый облак невдали.
Почему одни уходят,
А другие не пришли?

Так над речкою молочной
Нескончаем разговор.
Ветхой памятью желточной
Воздух полон до сих пор.

Все ушли... Лишь мы остались.
Только мы... Не жди гостей.
Стены чёрные распались,
Сад кристальной и желтей.

Дверь не скрипнет, мышь не всхлипнет,
Не шуршит в сенях метла.
Только бабочка прилипнет
По ту сторону стекла.

1986

* * *

Мы не знаем, в чьей эклоге
Прорицанье свершено,
Но волхвы уже в дороге,
Всё уже предрешено.

Мы прослушали, проспали
Это скрежет, этот свет,
Но сбылось — покровы спали,
Час пришёл — возврата нет.

В царстве чванящихся сирот,
В размалёванном аду
Только волхв, пастух да Ирод
Угадали ту звезду.

Лишь когда его солдаты
Постучатся в каждый дом,
Светлым ужасом объяты,
Мы невнятное поймём.

—

Но вольно светлу светиться
В нижнем небе никаком.
Крепко, крепко агнцу спится
Меж ослёнком и телком.

1987

КРОВЬ

М.

Равно стареют плоть, и ум,
И сердце — ткани жёстки, косны.
Жилище духа — красный шум,
Орлиный клёкот кровеносный.
На тысячу багровых струн
Едва зачат, я был натянут.
Пока звенеть не перестанут —
Я вечно ветх и вечно юн.

В неё вродился, как в кристалл,
Всех мертвецов последний опыт,
В ней дымной охолодью стал
Копившийся полжизни шёпот.

И мы, мы правы, вновь и вновь
Слепым созвучьем доверяя —
Не плоть, не сердце — любит кровь,
Не остывая, не сгорая.

1987

ОРЕДЕЖ

Все северные мотыльки,
Все наши сизые стрекозы
Сносили к берегу реки
Свои прозрачные глазки
И крылышки из целлюлозы.

Вольно выхаркивать трубе
Молочный дым, тому — змеиться,
Сыреть — земле, судить — судьбе,
Вспорхнуть — стрижу, глядеть — тебе,
Пока в глазах не задвоится.

За то, что нищему царю
Вертлявых рек и я когда-то
Был мил, судьбу благодарю,
Их пленник, нынче я смотрю
Их ускользанье без возврата.

Чем тот, где щупальца корней
Ужами вне земли сплетались,
Не быть ни воздуху родней,
Ни эху — кратче и полней:
Здесь наши отзвуки остались.

И свет младенческий, и страх
По смерть да будут сладким грузом
Душе, чей корень — в стёртых снах:
На этих красных берегах,
Уже известных русским музам.

1987

ОДА БОЛЬШОМУ ЗЕРКАЛУ

Я пью за эти ночи на Луне.
Раздвинулся зеркальный обод или
Лишь тени тех, что были, были, были
Быстрогорячей перстью, а не мы
Выводят в озеро звенящей тьмы
Кривую речь зародыша в зерне.

Она проста и связана ни с чем
Короткой нитью звёздного дыханья.
В ней плеск огня и музыки стиханье
И тайный лаз во тьму чужого сна,
Где каждой вещи внутренность видна
В проёмах рушащихся микросхем.

Я сплю в зерне, а воспалённый луч
Ползёт ко мне из холода тупого,
И видит Бог — я не хочу другого —
Я слышу ночь, как слышит каждый гром
Ответ себе в зеркале звуковом,
И звук любви, как музыка, колюч.

И, может быть, безмолвья ученик,
Грядущих трав застольный собеседник
И чёрных звёзд прижизненный наследник
Увидит — бьётся паучок живой
В огромной паутине световой,
Как лучший враг, как будущий двойник.

1987

МОРСКИЕ СТРОФЫ

Душа моя, а то прошьём
Багровой ниткой эту ткань —
Она с изнанки зелена,
Её разгладила луна,
Но в тайных складках скрыта грань
Меж пламенем и полусном,
И время влажное назад
Отводит тиканье цикад.

Давай глядеть на циферблат
Полуразрушенных часов,
На диск, сказавший ввечеру
Всё неподъёмное перу,
Как то, что говорит без слов
Сестра сестре и брату брат,
Как в сердце спящих — перезвон
Зашедших за душу имён.

Так пахнет гром. Так дышит дым.
Так царь морской, пошевелив
Всей громкоилистой волной
И всею чернью нутряной
Назначил на вечер отлив.
Так мир, рискуя стать другим,
Сперва сжимается. Потом
Теряет свет, поздней — объём.

Что ж, будет ночь. Земля черства,
Ни высь у выси не в долгу,
Ни тьма у тьмы. Придёт черёд —

И воздух сдвинутый умрёт,
Но я — я больше не могу:
Я жив, в меня вросла трава,
И зелень душную вобрал
Летучей страсти матерьял.

1987

* * *

Хочу, чтоб стал надколотый кристалл
Живым и влажным, как тогда, в начале,
Чтоб лунный раскрылся матерьял
И звёзды ничего не означали,
Чтобы вошла бесстыдная игла
В большую черноту без сожаленья,
Чтобы текла волшебная смола
В провал, заполненный вороньей тенью,
Чтоб не могла строительная мгла
Твердеть, и в ней туманности вращались,
И реки из зелёного стекла
В слезящуюся тучу возвращались,
И битва бабочек — столетний сон
Мигающего света и дыханья,
Как горький мёд, вошла со всех сторон
В его беззвучное существованье.

1988

* * *

Рыба мёртвая пропорола
Голубое сердце волны
За мгновение до укола
Тишины.

Птица мёртвая тихо села
На невидимые цветы,
Обогнув прозрачное тело
Высоты...

Я хочу заплатить за это
Рассечение цветного сна,
Прободенье звука и цвета
Полотна.

Глубиною старческой крови,
Тьмою голоса моего,
Всем, чем здесь я владею, кроме
Одного...

1988

* * *

...Раздался шум, и мы окно открыли,
А он стоит. Он то сверкал, то стыл.
Каким он был? Мне кажется, он был
Огромным сгустком дыма или пыли,
Не то кустом бесцветного стекла.
И всё это текло, переливалось.
Не знаю, отчего мне показалось,
Что за спиной светились два крыла.

Окно закрыли, и не то, чтоб он
Взлетел, но вдруг раздался слабый звон,
Едва заметно тени удлиннились,
На тёмном небе тучи разредились,
Сухие ветки дёрнулись от дрожи
Заколебавшихся воздушных масс,
Фонарный свет чуть ярче стал, и в то же
Мгновенье в нашем доме свет погас.

1988

СОДЕРЖАНИЕ

Олег ЮРЬЕВ

СТИХИ О НЕБЕСНОМ НАБОРЕ

Стихи о ночи

Стансы	7
Колыбельная	8
«В окне огонь стоял. О стены...»	9
Два станса	10
«Дождь по липе многоствольной...»	11
«Все остается...»	12
«Голубые трубы деревьев...»	13
Романс О. М.	14
На смерть Б. В.	15
<i>Mechanica aetheris pova</i>	16
Два станса	17
Юрьев день	18
«Всех... всех первенцев от наших очагов...»	21
Стансы	22
«Середь этой зимы понял я, как я к жизни прикован...»	23
Два стихотворения	24
«Луны кусок в ее пятне...»	25
«Младенец, изменщика-века птенец...»	26
«Я — ворон, вернувшийся к Нюю...»	27
Два стихотворения	28
«Эти конные ветки не снятся...»	30
«Жизни я не знаю, знаешь...»	31
Михайловский сад	32
«Ну а я — каб я жил под венец, под завязку...»	33
«А в косых и высоких, сплошных небесах ни движенья...»	34
Вариация	36

Вариация вторая	37
«Оборочусь я чуть — и тьмы неравномерной...»	38
«Небосклон полуночи — в облачных изъяснах...»	40
Лист	41
«Полночи час взойдет и ниспадет...»	42
«Исхожу я из старого страшного дня...»	43
Детские стихи	44
Молитва о мире	45
Улитка на льду	
«Улиткой на зелёном льду...»	49
«У них — Рождество, у нас — ничего...»	50
Five crazy songs	51
1. A crazy song	51
2. Сон	51
3. Разноглазый вечер	52
4. «О, где отставшее отстало?»	53
5. Ночь-колодница	53
Вечер и ночь	55
«...черно-морской, горько-уханный...»	56
Вот света колкие затылки	57
Строфа и антистрофа	58
«Всходит дым точно остров стеклянный»	59
Подражание псалму	60
В садах только наших в апреле	61
Второе подражание псалму	62
«Прощайся, не все уже снится...»	63
Воспоминание о юге I	64
В этой комнате	65
Младенец	66
Плаванья	67
О мрачная звезда раздевшихся морей	70
Стихи о небесном наборе	
Не превратить земли в отсек	73
Ode on the unstructured world	74
Элегия с эпитафией	76
Височные часы	77

Скелет светящийся Адмиралтейства	78
Невская балладка	79
Осень в Москве	80
Стихи к уходящему зренью	81
Еврейское кладбище в Ленинграде	82
Александрийская песня	83
Стихи о небесном наборе	84
Воспоминание о юге II	86
Луна-голубка и обратный Арарат	87
Щельково. Костромская область	88
1. Русские звезды	88
2. Вечер	88
3. «Какие здесь живут зверьки...»	89
4. Непогода	89
The messenger	91
Д. Ю.	92
Ожиданье	93
Последние стихи года	94

Ольга МАРТЫНОВА

ПОСТУПЬ ЯНВАРСКИХ САДОВ

«Бедный, прибранный дом, голубиная нежность двора...»	97
«Где не было ни деревень, ни городов...»	98
Осенние стихи	99
«Неслышно на поле легли...»	100
«Время катит мою колесницу...»	101
«Вдыхая холод воздуха и света...»	102
Сон	103
«О немота, о страшная подруга...»	104
«Пока еще держу в моих руках...»	105
«Я не умру, когда поднимет надо мною...»	106
Ночь, потом утро	107
Морозная зима	108
Ода на падение Англетера	109
Три стихотворения про животных	112
1. Ворона	112

2. Журавль	113
3. Павлиний глаз	115
«Вот синяя небес корзина...»	116
«Катится колесо дождя...»	117
«Такая быстрая зима, как век снежинки...»	119
Шампанским воздухом зима...»	120
Слышу поступь январских садов...»	121
Гантиади	122
Как зимней полувзгляд звезды	123
Неродимая родня	124

Дмитрий ЗАКС

ПРЕКРАСНЫХ ДЕРЕВЬЕВ СОЮЗ

Дельта	127
В сумерках	129
«В древесине чешуйчатых сосен...»	131
«Воздух утренний ветшает...»	132
«Вот он где, твой мир субботний...»	133
«А сердце — праздничное слово...»	134
«Зима — это...»	135
«А на севере — небо в изъянах...»	137
Зима и сердце	138
Конец декабря	140
Северная элегия	142
Московский набросок	144
Осеннее посвящение	145
«Странно видеть — час заката...»	147
«Вечер ясен стал...»	148
«Не все то золото, что гаснет...»	149
«И такая оскомнна за год...»	150
Две строфы	151
«Погляди из-под ресниц...»	152
После поэтики	153
«Снова в сумерках осенних...»	156
«В этом складе прозрачных вещей...»	158
«Воздух ночи ночью занят...»	159

«Свет ночи был как жирный гул шмеля...»	160
«Никогда не меняется осень...»	161
Венеция	162
Лодка	163
«Есть в осени странная цельность...»	164
«У деревьев лица золотые...»	165
«Пожелай невеселого неба...»	167
«Здесь не страшно. Здесь пахнет зимой...»	168

Валерий ШУБИНСКИЙ

БАЛТИЙСКИЙ СОН

Балтийский сон	171
«Любовь вольней пчелы жужжащей...»	173
«Эта музыка желтых тюльпанов...»	174
«Бортнянский, звук плотнее глины...»	175
«С каждым новым вдохом все светлее...»	176
«Нипочем мне не нужно сияния...»	178
Повесть	179
Песня	180
Начало осени	181
«Всю ночь у дома моего...»	183
«Я умру в середине июля...»	184
Териоки	185
Московская элегия	186
Вечер	188
Март	189
Ненастный вечер	191
Разговор	192
«Пахнут старостью и стужей...»	193
«Мы не знаем в чьей эклоге...»	194
Кровь	195
Оредеж	196
Ода большому зеркалу	197
Морские строфы	198
«Хочу, чтоб стал надколотый кристалл...»	200
«Рыба мертвая пропорола...»	201
«Раздался шум и мы окно открыли...»	202

*Олег Александрович Юрьев
Ольга Борисовна Мартынова
Дмитрий Михайлович Закс
Валерий Игоревич Шубинский*

КАМЕРА ХРАНЕНИЯ

**Четыре
книги
стихов**

Заведующий редакцией

Н. И. Байков

Редактор

Н. Б. Маркус

Художественный редактор

Г. И. Максименков

Технический редактор

Н. Д. Лаукус

Сдано в набор 18.04.89. Подписано к печати 31.05.89. Л 17177. Формат 70×100/32. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,45. Усл. кр.-отт. 8,61. Уч.-изд. л. 7,66. Тираж 3000 экз. Цена 2 руб. Зак. 8016. Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина. 119048, Москва, ул. Усачева, д. 64.

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129041, Москва, ул. Б. Переяславская, 46.

